

Светлана Багрянцева

КАРМА

Плата за чужой грех

18+

Светлана Багрянцева

Карма. Плата за чужой грех

«Автор»

2026

Багрянцева С.

Карма. Плата за чужой грех / С. Багрянцева — «Автор», 2026

Девушка ощущала, как священное пламя обращает в пепел всё, чем она была ещё час назад. Огонь пожирал её девичьи тайны, право просыпаться по утрам в своей комнате, имя, свободу. Прошлое осыпалось чёрными хлопьями, а впереди не оставалось ничего. Наконец, пандит благоговейно выдохнул:— Перед лицом бога Агни объявляю вас мужем и женой. Нанесите синдур своей жене и наденьте мангалсутру. Она стояла, судорожно комкая в кулаке ткань сари, пока мир вокруг медленно рушился. Прия замерла. Муж был так близко, что она уловила его дыхание на своих волосах. Его пальцы, скользнули по шее, и девушка с трудом удержала себя, чтобы не отшатнуться. Через минуту порошок синдура окрасил её пробор в цвет покорности. Потом Шанкар присел на корточки, достал из кармана ножные браслеты с колокольчиками и стал надевать. Пальцы скользили по щиколоткам намеренно долго, он как будто хотел показать ей, что отныне имеет право к ней прикасаться.

© Багрянцева С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Г	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Багрянцева

Карма. Плата за чужой грех

Глава 1

Настоящее время

В маленьком домике пахло жареной рыбой и цветами. Молодая красивая женщина ставила на стол тарелки, симпатичный мужчина возился с вентилятором, который снова не включался. Восемилетний мальчик сидел на диване, пытаясь приладить колесо к игрушечной машинке, оно почему-то постоянно отваливалось.

— Шанкар, Арун, идите мыть руки и за стол, — женщина поправила синее сари с вышивкой и откинула со лба чёрную прядь.

— Мы уже идём, любимая. Сынок, поторопись, — с улыбкой сказал мужчина.

Мальчик подскочил с дивана, но неожиданно в дверь начали стучать, потом раздался выстрел, пуля попала прямо в замок.

В комнату ворвались трое мужчин.

— Что вам нужно?! Вы кто?! — крикнул Арун, хватая нож со стола.

Один из незнакомцев вскинул руку, и комнату оглушил выстрел.

— Арун! — завопила женщина, закрывая собой сына.

Арун лежал на полу и истекал кровью, убийца подошёл, выстрелил ему в лоб.

— Что, Дивья, думала, я прощу тебе мой позор? Случайно увидел тебя, когда приехал в Мумбаи по делам и выследил, где ты живёшь. Замуж вышла, ребёнка родила. Ты должна была быть моей, Дивья! — мужчина подошёл и ткнул пистолетом в лоб женщины.

— Аджит, умоляю, пощади моего сына, он ещё маленький, жизни не видел. Можешь убить меня, но его пощади.

— У тебя нет права голоса, шлюха!

Раздался выстрел, женщина упала на циновку, мальчик стоял в ступоре, только слёзы катились по щекам

— Пощадить или не пощадить? — зловеще усмехнулся убийца и пошёл на выход, у дверей он обернулся и всё же выстрелил с диким криком. — Сдохни, крысёныш!

Звонок телефона разорвал тишину. Шанкар дёрнулся, не понимая, где находится. Сердце колотилось в груди, на лбу выступила испарина. Оказалось, он задремал на веранде своей маленькой виллы. Мужчина провёл ладонью по лицу и взял гаджет с журнального столика.

— Да.

— Добрый вечер, господин Шанкар. Простите за поздний звонок. У меня новости по Аджиту.

Голос собеседника был спокойный, почтительный. Махеш Ране работал на него уже шесть лет. Шанкар ценил его за то, что он никогда не задавал лишних вопросов.

— Добрый вечер. Не извиняйтесь, я ждал этих новостей.

— Аджит Шехават живёт в деревне недалеко от Джодхпура, это в десяти километрах от того места, где родилась ваша мама. Аджит владеет землями, торгует специями. Он уже два года как глава клана, после смерти отца. У него двое сыновей и единственная дочь.

Шанкар замер, и несколько секунд молчал, обдумывая услышанное.

— Дочь? — переспросил он.

— Прия. Ей восемнадцать. В этом году окончила школу, ещё не просватана.

— Копните глубже, мне нужно знать всё о его бизнесе. Кредиты, контракты, арендаторы. Всё.

— Я понял, господин Шанкар. В ближайшие дни доложу, что удалось выяснить.

— Не трогайте его пока. Просто следите. За девушкой тоже.

— Будет сделано.

Махеш отключился, Шанкар положил телефон на столик и откинулся в кресле. Некоторое время он сидел неподвижно, потом встал, подошёл к краю веранды, положил ладони на каменные перила и сжал так, что побелели костяшки пальцев.

Шум моря был еле слышен, но Шанкар отчётливо видел, как воду золотит заходящее солнце. Красивый вид не приносил облегчение, внутри всё выгорело в невыносимом пламени ярости.

— Мама, папа, я не забыл вас. Всё помню. Аджит Шехават пожалеет, что родился на свет. Я вырос и отомщу.

Тридцать два года назад.

Комната пахла сандалом и розами.

Дивья сидела на низкой тахте, обитой расшитой тканью, и смотрела в окно. Служанка развешивала бельё. Младший брат гонял по двору ржавую банку. Солнце уже село, и прохладный ветер тянул с пустыни, но воздух всё ещё был тяжёлым, нагретым за день.

Девушка поправила блестящий, чёрный локон, выбившийся из косы. Движение было привычным, почти бессознательным, она всегда так делала, когда нервничала.

— Дивья.

Девушка вздрогнула. В дверях стоял отец.

Протап Баhti был высоким, худощавым мужчиной с жёстким взглядом и сединой в чёрной бороде. Он носил белоснежную курту и тюрбан цвета слоновой кости, так одевались только самые уважаемые люди в их клане.

— Ты что-то хотел, папа? — спросила Дивья взволнованно.

Отец зашёл в комнату, сел в кресло напротив, его взгляд не предвещал ничего хорошего. Знакомая комната показалась девушке чужой, слишком душной и маленькой. Она вытерла внезапно вспотевшие ладони о юбку.

— Я договорился о твоей свадьбе, — сказал отец, не глядя ей в глаза. — Ты выйдешь за Аджита Шехавата.

— Отец — начала Дивья дрожащим от страха голосом.

— Не перебивай. Аджит — старший сын главы соседнего клана. Их земли граничат с нашими. Их влияние растёт. Союз с ними укрепит наш клан.

— Но я его даже не знаю, — тихо сказала Дивья и почувствовала, как по щеке поползла слеза.

— Узнаешь, в чём проблема?

— Он намного старше меня. Говорят, он жестокий.

Отец повернул голову и посмотрел на неё. В его глазах не было злости, только уверенность в своих словах и решимость.

— Твоя мать тоже не знала меня до свадьбы. Это не мешало нам прожить двадцать лет.

— Мать боялась тебя, — вырвалось у Дивьи.

Отец сверкнул глазами и поджал губы, молчал несколько минут, будто вспоминая умершую год назад жену.

— Подготовься. Через три дня приедут сваты. Не позорь меня, — отец встал и погрозил пальцем. — Смотри мне, Дивья, выкинешь что-то, и я тебя не пожалею, собственноручно пристрелю. В моей семье не будет позора, а если случится, я смою его кровью, как и положено. Я ненадолго уйду к соседям, нужно обсудить один вопрос. Сиди дома и не смей одна за ворота выходить.

Отец вышел из комнаты, шаги зазвучали по каменному полу коридора и стихли.

Дивья осталась одна, взяла со столика глиняную чашку с остывшим чаем, поднесла к губам и поставила обратно. Привычный напиток показался слишком горьким.

Девушка подошла к окну. Во дворе брат всё ещё гонял банку. Служанка ушла. Тени от арок ложились на землю длинными полосами, как решётка тюрьмы.

Дивья провела пальцем по холодному камню подоконника.

«Через три дня», — подумала она. — «Через три дня моя жизнь кончится».

Отец появился во дворе, он шёл к калитке. Дивья ринулась в свою комнату, там она спрятала одну бумажку, предварительно разрезав шов матраса.

Всё вышло случайно, они со старшим братом отправились на рынок, и она увидела, как мужчина со злобой на лице снимает объявление со столба и топчет ногами. Дивье стало интересно. Мужчина ушёл, она, озираясь, подобрала лист. «Неправительственная организация «Шанти». Если вам нужна помощь, звоните по номеру» — было отпечатано на бумаге. Девушка быстро свернула его и сунула в карман юбки.

Теперь бумажка пригодилась, Дивья вернулась в комнату с тахтой и несколько раз огляделась, прислушалась и только потом набрала номер на телефоне. В трубке послышался треск, потом длинные гудки. Девушка вздрогнула, она боялась, что её застукают за этим занятием. Звонить же можно только мужчинам.

Наконец, ответили. Какая-то женщина вежливо поздоровалась, Дивья ответила, но голос срывался.

— Девушка, не волнуйтесь, скажите чётко, зачем вы звоните, — ласково ответила соседница, которая представилась Мирой.

— Меня хотят насильно выдать замуж. Через три дня приедут сваты, когда свадьба не знаю. Помогите мне сбежать, пожалуйста. Аджит — жестокий мужчина, ходят слухи, что он бьёт свою сестру только за то, что её никто не захотел замуж взять, она родилась с изъяном. Помогите, умоляю, — Дивья начала всхлипывать при разговоре.

— Успокойтесь, назовите ваш адрес, имя и фамилию отца. Мы обязательно вам поможем. Завтра с вами свяжется наша помощница, зовут Кирти. Скажите дома, что она подруга с вашей школы.

— Спасибо, госпожа Мира, — девушка рассказала всё, о чём просили и положила трубку на рычаги.

Быстро выглянув за дверь, она поняла, что никто её не застукал на месте преступления. От сердца отлегло, но слёзы продолжали течь. Нужно уйти в свою комнату, чтобы никто ничего не заподозрил.

Глава 2

Настоящее время.

Шанкар на пару секунд прикрыл глаза. За панорамным стеклом высотки в Бандре плавились от влажного удушья вечерний Мумбаи, но тут работал кондиционер.

Шанкар сидел во главе длинного переговорного стола из тёмного полированного дерева. По многолетней привычке он устроился спиной к окну — так уходящее солнце не ослепляло, зато хорошо видно лица собеседников. Напротив, едва дыша от напряжения, расположились трое: главный юрист компании Раджив Мехта и двое молодых финансовых аналитиков. Наглаженные, строгие костюмы мужчин, казались Шанкару одинаковыми, да и сами они в его глазах сливались в безликую массу амбициозного офисного планктона.

— Банкир в Джодхпуре сломался, — заговорил Мехта. В его голосе, обычно спокойном и чуть распевном, сейчас сквозило сдержанное торжество. Юрист аккуратно поправил очки, в которых отражался свет ламп. — У Шехаватов два крупных кредита, под залог пошли семейные земли и дом. Через цепочку наших номинальных фирм мы выкупим один долг. Переговоры завершены. Второй тоже постараемся перехватить.

— Кто слил долги? — не открывая глаз, глухо спросил Шанкар.

— Коммерческий банк «Марудара» и один из крупных кооперативных фондов в Пали. У обоих балансы трещат от невозвратных займов, так что наши юристы предложили банку цену, от которой те не смогли отказаться. Они были счастливы избавиться от этого балласта.

Шанкар медленно кивнул. Его указательный палец мерно, в такт каким-то тяжёлым мыслям, застучал по лакированной столешнице. Этот звук заставил аналитиков синхронно выпрямить спины.

— Не надо душить их сразу, — произнёс Шанкар после затянувшейся паузы. Он открыл глаза и уставился на юриста ледяным, немигающим взглядом. — Пусть Аджит просыпается каждое утро и наблюдает, как его благословенный мир трещит по швам и осыпается пеплом. Сначала отберите землю. Потом выкупите долг в кооперативе. Затем растопчите его авторитет среди старейшин клана. Действуйте медленно, с изощрённой жестокостью. Я хочу, чтобы он физически ощущал каждый удар, но не понимал, кто забивает гвозди в гроб его хвалёного рода.

Мехта, сглотнув, поспешно сделал пометку в блокноте. От былой уверенности юриста не осталось и следа, перед яростью хозяина пасовали даже самые опытные волки бизнеса.

— А что с его деловыми партнёрами? — тише спросил Шанкар.

— Мы плотно взялись за троих крупнейших оптовиков, на которых держался весь сбыт Шехаватов. Двое сломались, третий пока упирается, твердит про вековую дружбу семей и законы чести Раджастхана.

— Если у него слишком развита совесть — найдите на что надавить, в бизнесе нет места сантиментам. Пусть оптовики по очереди разрывают контракты, так интереснее.

— Всё сделаем, господин.

Шанкар откинулся на кожаную спинку кресла, он был доволен, всё шло по плану.

— Что раскопали по его семье?

— Жена, двое сыновей. Старшему двадцать пять, помогает отцу. Есть дочь, Прия. Ей восемнадцать. Из дома почти не выходит, училась в женской школе. Она настоящая гордость отца, каноническая раджпутка. Шехават всю ищет для неё влиятельного жениха из высших каст, чтобы укрепить шатающееся положение, но пока плохо получается.

Шанкар, едва заметно улыбнулся.

— Продолжайте давить по всем фронтам. Через два месяца Аджит Шехават будет стоять передо мной на коленях. А сейчас идите по домам.

Аналитики быстро переглянулись. Шанкар поймал их полный ужаса взгляд, но лишь мысленно усмехнулся. Они выросли в сытом Мумбаи и понятия не имели, как вершатся дела там, откуда родом его мать. Если ты не убьёшь врага, он уничтожит тебя и твою память.

— Нам всё ясно, господин Шанкар, — Мехта быстро встал.

Подчинённые поспешно собрали документы и покинули кабинет. Дверь закрылась, мягко щёлкнув замком. Шанкар остался один. Он поднялся с кресла и неторопливо подошёл к панорамному окну.

За стеклом бушевал огнями ночной мегаполис. Высотки Бандры сверкали миллионами неоновых вывесок, а внизу, в ущельях улиц, бурлила бесконечная, сверкающая река из тысяч автомобилей. Отсюда этот хаос казался россыпью бриллиантов, небрежно брошенных на чёрный бархат. Чуть дальше, в темноте, угадывалось Аравийское море.

Шанкар думал о том, что пришло время платить по долгам. Скоро он приедет в Раджастхан, туда, где когда-то родилась мать. Он уже не испуганный восьмилетний мальчишка, которому не поверила полиция. Он — хозяин жизни и безжалостный охотник.

Шанкар подошёл к столу, вытащил из ящика дорогой блокнот. Перьевая ручка уверенно вывела на чистой странице несколько букв, складывающихся в имя: Прия.

Шанкар резко, с нажимом подчеркнул слово раз, потом другой. Кончик дорогого пера с сухим треском прорвал плотную бумагу.

Блокнот захлопнулся и исчез в недрах стола.

Тридцать два года назад.

Ночь опустилась на раджастханскую деревню внезапно, словно тяжёлое чёрное покрывало. Горячий ветер, прилетевший из самого сердца пустыни Тар, принёс с собой удушливые запахи иссушенной земли, горькой полыни и навоза от давно потухших очагов. Где-то на окраине истошно завывли бродячие собаки, но вскоре замолкли, и над округой вновь повисла злобещая, звенящая тишина.

Дивья сидела на самом краю жёсткой деревянной кровати в своей комнате. Их семейное поместье, как и положено дому уважаемых раджпутров, было строго разделено на две изолированные половины. С одной стороны двора находилась мардана — мужская часть, где бодрствовали отец и братья, туда приходили гости, там решались дела. С другой — женана, закрытый женский мир, надёжно скрытый от чужих глаз высокими стенами. Даже служанки ночевали отдельно, в пристройке возле кухни, так что Дивья осталась в этом крыле только с женой брата.

Мать ушла из жизни год назад, старших сестёр отец давно выдал замуж в дальние деревни, а младших детей в семье не было. В огромных, полутёмных комнатах, гуляло эхо. На мужской половине сейчас крепко спали уставшие за день мужчины: суровый отец, старший брат и трое младших. Дивья знала, что сквозь толстые глинобитные стены и широкий внутренний двор до них не долетит ни один шорох.

Её пальцы судорожно сжимали маленький узелок из грубой ткани. Весь её нехитрый скарб: две смены простых хлопковых сари, серебряные серьги матери — единственная память, подаренная на шестнадцатилетие.

В комнате царил густой полумрак. Луна только всходила, и свет едва просачивался сквозь резные деревянные ставни, выписывая на глиняном полу причудливые, пугающие узоры.

Дивья заставила себя подняться. Ноги казались ватными, противная мелкая дрожь пробежала от щиколоток к коленям, а сердце стучало так сильно, что, казалось, его удары слышны на улице. Она аккуратно надела сандалии из мягкой верблюжьей кожи, и до боли затянула ремешки на лодыжках.

Стараясь не дышать, девушка выскользнула в длинный, тёмный коридор женской половины. Каменные плиты пола дышали дневным жаром, подошвы обуви скрадывали звуки её шагов. Она двигалась как тень, боясь задеть плечом побелённые стены.

Небольшая калитка для слуг находилась в дальнем углу двора, разделяющем женский сад и деревенский переулок. Дивья смазала её петли маслом и приоткрыла засов ещё днём. Теперь оставалось лишь слегка надавить на старое дерево.

Калитка едва слышно звякнула. Дивья замерла, вжав голову в плечи, готовая в любую секунду броситься назад, упасть в ноги отцу и вымолить прощение.

В доме было тихо. Дивья сделала шаг за порог и осторожно прикрыла за собой дверь.

В тени раскидистого баньяна, чьи воздушные корни свисали до самой земли, переминались с ноги на ногу две фигуры. Кирти, которую Мира прислала для организации побега. Она была закутана в глухое тёмное сари и почти сливалась с ночным пейзажем. Рядом с ней стоял её старший брат, коренастый и хмурый парень.

Кирти быстро сделала шаг вперёд, ободряюще сжала ледяную ладонь Дивьи.

— Идём скорее. Только, ради бога, молчи.

Они быстрым шагом припустили по разбитой грунтовой дороге, уводящей прочь от родных мест. Никто из них не смел обернуться. Дивья чувствовала, как пыль забивается в сандалии, но не обращала на это внимания, страх гнал её вперёд. Полтора километра до старого шоссе они преодолели в полной темноте: почти бежали, когда дорога шла под уклон, и тяжело дышали на песчаных подъёмах.

Наконец, у обочины показался силуэт внедорожника. Брат Кирти прыгнул за руль, а девушки юркнули на заднее сиденье.

Автомобиль поехал. Парень не зажигал фары, машина медленно двигалась в полутьме.

Дивья без сил откинулась на спинку сиденья и прикрыла веки. Ей было страшно, но в то же время она ощущала пьянящее чувство свободы.

До окружного центра Пали они добирались около двух часов. Машину нещадно трясло на колдобинах, Кирти быстро сморило, и она уткнулась носом в плечо Дивьи.

В Пали, на окраине крошечной, пропахшей дизелем автобусной станции, их уже поджидала незнакомая женщина. Суровая, плотного телосложения, в самом простом вдовьем хлопковом сари, она без лишних слов бесцеремонно ухватила Дивью за локоть и потащила к пыльному ночному автобусу, у которого уже завели двигатель. Кирти осталась стоять у машины.

— Прощай, сестрёнка, — тихо шепнула она. — Главное — никогда, слышишь, никогда не смотри назад.

Дивья лишь судорожно кивнула в ответ — ком застрял в горле, лишая её дара речи.

В салоне автобуса было невыносимо душно. Пахло застарелой махоркой, дешёвыми специями, машинным маслом и потом десятков работяг. Дивья забилась в угол у грязного окна, накрылась шалью и уставилась в темноту. Автобус подпрыгивал на ухабах, бросая её из стороны в сторону, но она вцепилась в узелок и терпела. Девушка закрыла глаза, и в памяти со всей отчётливостью, словно это было вчера, всплыл день её помолвки.

Семь дней назад просторный внутренний двор их дома преобразился до неузнаваемости. Слуги застелили земляной пол яркими, дорогими коврами ручной работы. Из города приехали важные гости, статные мужчины в белоснежных куртах и пышных, праздничных тюбанах. Женщины толпились на веранде под нарядным навесом. Дивья сидела среди них, словно безликая кукла: её голова и лицо были плотно накрыты тяжёлой шалью, расшитой золотыми нитями. Ни один мужчина не имел права увидеть её лица до свадьбы.

Отец величественно поднялся со своего места, и гомон голосов мгновенно стих.

— Отныне и навек кровь великих родов Бахти и Шехават соединится в этом священном союзе, — громко объявил он.

Ей, невесте, никто не сказал ни слова. Никто не поинтересовался её желаниями, не спросил, мил ли ей суровый незнакомец, за которого собрались отдать замуж. Её просто обменяли, как породистую кобылицу, ради союза двух кланов.

К отцу подвели Аджита. Из-за плотной ткани шали Дивья не могла разглядеть его лица — перед глазами предстал лишь мощный, подавляющий силуэт: непривычно широкие плечи, огромный праздничный тюрбан. Отец Дивьи обмакнул большой палец в чашу с багровой кино-варью, смешанной с рисовой мукой, и размашисто нанёс Аджиту на лоб ритуальный знак — тилак. Этим жестом он официально признавал его зятем и благословлял их будущую совместную жизнь.

Женщины тут же радостно зашептали, захлопали в ладоши. Тётки и кузины принялись ласково гладить Дивью по плечам, поздравляя с великой честью.

— О, какая благословенная пара!

— Аджит — настоящий мужчина, за ним ты будешь как за каменной стеной. Тебе несказанно повезло, девочка.

Дивья сидела, не шевелясь. Её кулаки были сжаты под шалью так сильно, что ногти вонзились в ладони до крови. Ей хотелось закричать во весь голос, сорвать эту удушающую золотую тряпку, швырнуть её под ноги улыбающимся старикам и заявить, что она не станет покорной рабыней Аджита.

Вековые традиции Раджастхана держали её за горло мёртвой хваткой. Ослушаться отца означало покрыть весь род вечным позором, который смывается только кровью.

Отец Аджита властно хлопнул в ладоши, давая знак своим слугам. Те внесли тяжёлые подносы с дарами: рулоны тончайшего шёлка, корзины с редкими фруктами, традиционные сладости. Старинный кинжал в простых, потёртых ножнах из тёмной кожи.

— Это личный дар моей невестке, — громогласно произнёс старик, обращаясь к отцу Дивьи. — Мой сын клянётся защищать её жизнь и честь до последнего вздоха. Этот клинок — символ нашей нерушимой клятвы.

Женщины вокруг разразились восторженными возгласами. Дивья лишь обречённо опустила голову ещё ниже. Именно в ту секунду она окончательно поняла: нужно бежать.

На рассвете старый автобус, наконец, выбрался на загруженную федеральную трассу. В утренней дымке промелькнули величественные розовые форты Джайпура.

Потянулась бесконечная вереница изнурительных пересадок, наконец, огромный, бурлящий вокзал, откуда уходил поезд на Мумбаи. Дивью передавали сопровождающим, она была не одна, ей обещали, что помогут, и делали это.

В общем вагоне третьего класса творился настоящий ад. Деревянные полки скрипели от непомерной тяжести, люди сидели и лежали буквально друг на друге, а на полу, среди тюков и баулов, играли дети. В раскалённом воздухе стоял густой, удушливый коктейль из запахов дешёвого чая-масала, жаренных в масле лепёшек-пури и дешёвого табака.

В потайном кармане Дивьи лежал новенький паспорт, который ей тайно передали ещё в Пали. Имя в документе оставили прежним — Дивья. А вот фамилия теперь была совершенно чужой и безликой, за которой можно легко спрятать своё прошлое. Шарма — распространённая фамилия, по такой её никогда не найдут.

Девушка без конца крутила это слово на языке, пытаясь сродниться с ним. Дивья Шарма. Теперь это её суть.

Она больше не Баhti, не дочь грозного раджпуты Протапа.

Она никто, но свободная. А вдруг всё только сон и отец или жених разыщут?

Поезд с оглушительным скрежетом затормозил у перрона вокзала Чхатрапати Шиваджи ранним утром.

Гигантский Мумбаи обрушился на деревенскую девушку подобно лавине. Дивья, никогда не выезжавшая за пределы родной деревни, застыла на месте от ужаса и восторга. Вокруг неё бушевал человеческий океан: кричали на непонятном наречии носильщики в красных куртах, сновали деловые люди в европейских костюмах, звенели колокольчики торговцев водой. Город

оглушал какофонией звуков, рёвом моторов и незнакомыми запахами морской соли, гниющих фруктов и дорогого парфюма.

Суровая женщина-сопровождающая, ни на шаг не отходившая от неё, уверенно вывела Дивью через викторианские арки вокзала на привокзальную площадь, забитую чёрно-жёлтыми такси. Она бесцеремонно толкнула девушку в салон старенького «Амбассадора» и назвала водителю адрес на мартяхи.

Они добирались до места около сорока минут, петляя по гигантским эстакадам, проезжая мимо сверкающих, зеркальных витрин магазинов и тут же проваливаясь в зловонные трущобы, где крыши домов были покрыты синей полиэтиленовой плёнкой. Дивья широко раскрытыми глазами впитывала эту безумную палитру новой жизни, стараясь запомнить каждую деталь.

Такси резко затормозило в одном из невзрачных, тесных переулков.

Женское общежитие благотворительной организации «Шанти» располагалось в глубине двора. Старое трёхэтажное здание, чьи жёлтые стены давно покрылись трещинами от высокой влажности. На верёвках сушилось разноцветное бельё, под ногами крутились тощие куры, а на каменном крыльце сидела благообразная пожилая женщина в очках, неторопливо перебирая рис в подносе. Они поздоровались и представились друг другу. Незнакомку звали Манарама.

— Твоё пристанище на втором этаже, комната-номер двенадцать, — сухо бросила Манарама, передавая ей ключ.

— Устраивайся. И не высовывайся пока без нужды. Скоро тебя устроят на работу, а пока будут кормить бесплатно. Счастье тебе, девочка. Пусть богиня хранит от всех бед, — сопровождающая ласково улыбнулась и обняла.

— Спасибо. Пусть богиня и вас бережёт, — Дивья обняла в ответ.

Через пару минут девушка поднялась по крутой бетонной лестнице, дрожащими пальцами открыла замок и шагнула внутрь.

Комнатка оказалась крошечной. Узкая железная кровать, застеленная грубым шерстяным покрывалом, колченогий деревянный шкаф для одежды и маленький столик у единственного окна. Под потолком лениво и шумно крутился старый вентилятор, который лишь гонял по комнате нагретый воздух. На стене висела простая, выцветшая от времени литография с изображением многорукой богини Дурги, восседающей на тигре.

Дивья медленно опустилась на край постели. Провела ладонью по шершавой ткани, уверяя себя, что это не сон. Затем она решительно распахнула створки окна — и в комнату вместе с несмолкающим гулом мегаполиса ворвался густой, сладкий аромат цветущего ночного жасмина.

Девушка сделала глубокий вдох. Впервые за много дней её грудь не сдавливал удушающий страх.

В ушах всё ещё монотонно стучали колёса поезда, увозящего её от рабства. В кармане лежал документ на чужое имя.

Дивья Шарма улыбнулась сквозь слёзы. Её новая жизнь, наконец-то, началась.

Глава 3

Наше время.

В коридоре женской половины дома пахло сандалом и сухими розами, мать постоянно раскладывала лепестки по медным чашам. Стены здесь казались уютнее, чем в мужской части: вместо голого камня их закрывали тканые панно с павлинами, а на полу лежали чистые тростниковые циновки, которые меняли каждую весну.

Прия возвращалась к себе в комнату после душа. Босые ступни бесшумно ступали по гладким коврикам. На повороте в галерею она увидела отца и невольно замедлила шаг.

Он редко заглядывал сюда в такое время. Обычно отец приходил на женскую половину ближе к ночи, выпить чаю с матерью или спокойно обсудить то, о чём не стоило говорить при старейшинах клана. Сейчас, в вечерних сумерках, его фигура в белой курте и светлом тюрбане выглядела слишком массивной и чужой среди домашних вышивок и чисто женских мелочей.

— Намасте, отец, — негромко сказала Прия, уважительно склонив голову.

Он коротко кивнул, погруженный в свои мысли, и даже не посмотрел на неё.

Отец прошёл дальше по коридору, туда, где за плотной портьерой начиналась малая гостиная. В этой комнате мать обычно собиралась с женщинами из соседних семей за просмотром сериалов, обсуждала общие дела, а по вечерам здесь всегда горел мягкий свет торшеров и работал настенный вентилятор.

Прия осталась стоять у арки. Возвращаться к себе сразу перехотелось. Что-то в выражении лица папы заставило её насторожиться. Он никогда не приносил рабочие проблемы в дом, если ситуация не была действительно серьёзной.

Девушка сделала несколько шагов назад и аккуратно прислонилась к дверному косяку. Плотный бархат портьеры надёжно её скрывал, но в узкий зазор между тканью и стеной была видна часть комнаты: низкий резной столик, медный чайник и руки матери, которая нервно перебирала край своего сари.

Отец стоял у окна спиной к ней, заложив руки за спину.

— Аджит, — голос матери прозвучал мягко, но отчётливо. — Нам нужно поговорить о Прии. Ей скоро девятнадцать.

Отец промолчал. Прия заметила, как у него напряглись плечи. Он терпеть не мог, когда ему напоминали о делах, которые он не мог решить прямо сейчас, простым приказом.

— Что ещё? — спросил он наконец.

— Она взрослая девушка. В колледж ты её не пустил, хотя она просила. Я понимаю, что сейчас все деньги уходят на хозяйство. Но пора думать о её будущем. Она не может вечно сидеть дома, старейшины начнут задавать вопросы.

Прия поджала губы, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Мать всё перевернула. Прия просила о колледже не ради учёбы, ей нужна была легальная отсрочка на пару лет, хотелось выиграть время, чтобы подольше не думать о неизбежном: о замужестве и переезде в чужой дом к незнакомому мужчине.

— Я занимаюсь этим, — отрезал отец, и его голос заметно потяжелел. — Несколько семей отказались, гороскопы не совпали. У меня есть ещё варианты, но сейчас не время для сватовства.

— Почему? Чего мы ждём?

— Ты прекрасно знаешь ситуацию, — в тоне отца прорезался металл. — Два года неурожая. Банки требуют выплат, проценты растут каждую неделю. Приданое дочери нашего клана не может быть копеечным, иначе нас поднимут на смех. Ты хочешь, чтобы Шехаваты опозорились перед общиной? Чтобы Прию отдали замуж как нищую крестьянку?

Мать сразу замолчала. Пальцы, сжимавшие край сари, побелели.

— Я не хочу позора для дома, — тихо ответила она после паузы. — Но и тянуть нельзя, девочка перерастает свой возраст.

— Не учи меня, что делать с моей семьёй, Чандра, — жёстко оборвал её отец. — Я найду Прии достойного мужа, когда придёт срок. Он будет равен нам по крови и положению, а пока пусть дочь сидит дома и помогает тебе. Не лезь в мужские дела, Чандра.

Отец круто развернулся и направился к выходу.

Прия быстро отступила от портьера и скользнула вглубь коридора. Отец даже не повернул головы в её сторону, он прошёл мимо и скрылся за поворотом, ведущим на мужскую половину.

Девушка вернулась в свою комнату и прислонилась спиной к двери. Сердце билось чуть быстрее обычного, но не от страха перед отцом, а от ясного осознания: семейные дела идут из рук вон плохо.

Самого замужества она не боялась, с детства перед глазами были примеры старших сестёр и кузин. В их кругу никто не ждал от брака безумной любви; важнее были взаимное уважение, поддержка и умение держать лицо перед людьми. Она была готова к этой роли.

Ей просто было по-человечески жаль уезжать отсюда. Она привыкла к этому дому, знала каждый его угол и любила кусты дикого жасмина под окном, которые цвели дважды в год. Прия посмотрела на свои пальцы, они слегка подрагивали.

— Ещё бы год, — негромко сказала она в пустоту комнаты. — Хотя бы один год.

Судя по тому, что она только что услышала, этого года у неё могло не быть.

Личный кабинет на мужской половине дома всегда помогал Аджиту прийти в себя. Здесь всё было устроено просто: каменные стены, пол из тёмного, гладкого сланца, массивный сундук в углу. На стенах висели старые ружья и кинжалы, которые слуги регулярно чистили.

Письменный стол стоял прямо напротив окна, выходящего во внутренний двор. Аджит тяжело сел в кресло. Кожа под его весом скрипнула.

Разговор с женой оставил неприятный осадок. Она беспокоилась о дочери, и в чём-то её претензии были справедливы, но Чандра сидела на своей половине, перебирала сухие лепестки роз и понятия не имела, в какую яму они катятся. Женщина не понимала, что городские кредиты медленно, месяц за месяцем, сжирают всё, что их род копил поколениями.

Эти проклятые банки сначала охотно давали деньги под залог земли, а теперь выжимали из хозяйства последнее.

Дверь кабинета открылась без стука, заставив Аджита нахмуриться. На пороге стоял Викрам, его старший сын. Двадцатисемилетний, крепко сбитый, с густой бородой, обычно он держался абсолютно уверенно, но сейчас на нём лица не было. Сын тяжело дышал.

— Что случилось? — Аджит выпрямился в кресле.

— Оптовик из Джайпура, — резко выдохнул Викрам. — Сингхания. Он отказался принимать нашу партию тмина.

— Что значит «отказался»? — Аджит нахмурился. — У нас контракт.

— Он расторг его в одностороннем порядке. Говорит, нашёл поставщика дешевле.

— Насколько дешевле?

— На двенадцать процентов. Отец, мы не можем упасть так низко. Если скинем цену, нам просто нечем будет платить проценты по кредитам. Это чистый убыток.

Аджит со злостью сжал подлокотники кресла. Сингхания работал с ними давно. Пять лет они поставляли ему лучший товар в округе, и теперь этот делец уходит к кому-то другому из-за двенадцати процентов.

— Кто перебил цену? — глухо спросил Аджит.

— Не говорит. Твердит, что это коммерческая тайна.

— Какая тайна? — процедил Аджит, поднимаясь из-за стола. — Нас сознательно выдавливают с рынка. Кто-то очень богатый хочет, чтобы мы разорвали штаны на этих долгах.

Викрам угрюмо молчал, признавая правоту отца.

— Это ещё не всё, — тише добавил сын. — Пришло извещение из банка в Джайпуре. Наш самый крупный кредит перекуплен.

Из переулочка долетел далёкий, резкий крик павлина. Аджит смотрел на сына и не мог поверить услышанному.

— Как это перекуплен? Кем? — после недолго молчания спросил побледневший Аджит.

— Банкиры слили долг мумбайским крысам! Это удар в спину, папа!

— Название фирмы?

— Ничего конкретного. Я уже отправил человека в Джайпур, чтобы вытрясти подробности из банковских клерков, но пока тишина.

Аджит грохнул кулаком по столу. Власть, которую его дед и отец выстраивали десятилетиями, рассыпалась на глазах. Земля предков теперь фактически принадлежала банкирам, а уважение в общине, которое всегда держалось на стабильности рода, готово было рухнуть из-за каких-то невидимых дельцов из Мумбаи.

— Выясни всё, — приказал Аджит. — Из-под земли достань мне имя того, кто скупает наши долги. Срочно ищи нового покупателя на тмин. Нельзя показывать рынку, что мы просели. Если один отказался, другие тоже начнут крутить носом.

— Ребята уже поехали в Джайпур и Ахмедабад. Найдём сбыт, отец.

— Найдите, — повторил Аджит. — Мы закроем оставшиеся кредиты. Чего бы нам это ни стоило. Продадим дальние угодья, пустим скот под нож, но долги отдадим.

Викрам коротко кивнул, понимая, что спорить бесполезно, и молча вышел, прикрыв за собой дверь.

Аджит остался один. Он встал, подошёл к окну и посмотрел на улицу, где ветер шевелил жёсткие листья баньяна. Впервые в жизни он чувствовал, как на душе нарастает предчувствие большой беды.

Глава 4

Настоящее время

Дом доктора Ананда Вермы располагался на одном из зелёных холмов в тихом пригороде Мумбаи, где душливый городской смог, наконец, уступал место чистому воздуху, а вечный рёв мегаполиса сменялся шелестом листвы. От оживлённого шоссе к нему вела извилистая асфальтированная дорога, зажатая между густыми кустами ярко-розовых олеандров.

Тяжёлый внедорожник Шанкара медленно въехал в распахнутые кованые ворота. Слева от подъездной дорожки раскинулся ухоженный небольшой сад, где тётя Сунита много лет заботливо выращивала туласи — священный базилик, росший в высоком терракотовом горшке на специальном постаменте. Каждое утро, совершив омовение, она обходила растение с медной лейкой в руках, шепча строчки короткой молитвы.

Шанкар заглушил двигатель и несколько секунд сидел в абсолютной тишине, глядя на фасад сквозь лобовое стекло. Двухэтажное здание из светлого песчаника выглядело обжитым и уютным, лишённым даже намёка на показную роскошь. Каменные балконы второго этажа плотно увил зелёный плющ, а у главного входа на первой ступени застыли два массивных глиняных вазона с раскидистым алоэ и огненно-красными каннами.

Шанкар знал, что кондиционеры здесь включали исключительно в спальнях и кабинете, в остальных комнатах хозяева предпочитали настезь открывать окна, доверяя прохладе настенным вентиляторам.

Дядя Ананд органически не выносил демонстративного богатства, столь популярного среди мумбайских нуворишей.

«Деньги мужчине нужны для покоя и безопасности его близких, а не для того, чтобы козырять ими перед соседями», — часто повторял старый доктор.

Шанкар вышел из прохладного салона машины и поднялся на крыльцо. Не успел он протянуть руку к медному звонку, как входная дверь распахнулась.

— Шанкар! Мальчик мой, ну наконец-то! — на пороге показалась тётя Сунита.

Эта полноватая шестидесятилетняя женщина была одета в простое сари горчичного цвета. Её лицо мгновенно озарилось искренней радостью.

— А мы тебя со вчерашнего дня ждём. Заходи скорее, заходи, на улице же дышать нечем, жара какая! Как ты, сынок?

— Я в порядке, тётя Сунита, — ответил Шанкар и улыбнулся.

Он послушно склонил голову, касаясь пальцами её ступней.

— Ну что ты, сынок, проходи, — Сунита ласково коснулась его головы.

Шанкар аккуратно разулся и босиком прошёл в просторную гостиную. Здесь всё оставалось неизменным годами: низкий широкий диван, заваленный шелковыми подушками с традиционной вышивкой, на стенах в строгом порядке висели семейные фотографии в лаконичных деревянных рамках, а под потолком крутился старый вентилятор. В воздухе плыл едва уловимый, знакомый с детства аромат сандаловых благовоний и сухих лепестков роз, которые тётя Сунита раскладывала по старинным медным пиалам.

— Ананд у себя в кабинете. Опять зарылся в медицинские выписки. Сейчас закончит с картами пациентов и выйдет. Ты присаживайся, отдохни с дороги, я принесу свежий чай.

Она торопливо скрылась на кухне, откуда почти сразу послышался мелодичный звон фарфора и характерное шипение газовой конфорки.

Шанкар опустился на диван. На журнальном столике из тёмного тика лежала ровная стопка утренних газет и свежий медицинский журнал с уже загнутыми по краям страницами. Рядом покоился потёртый пульт от телевизора.

«Они совсем не меняются», — с лёгким вздохом подумал Шанкар, обводя комнату глазами.

Через несколько минут тётя Сунита вернулась, бережно неся широкий металлический поднос. На нём дымились две фарфоровые чашки традиционного чая-масала. Рядом красовалась тарелка с налом — тончайшими хрустящими вафлями, присыпанными сахарной пудрой.

Тётя аккуратно опустила поднос на столик, устроилась рядом с Шанкаром на самом краю дивана и с любящей улыбкой уставилась на него.

Он аккуратно взял тёплую чашку и сделал первый глоток. Обжигающая жидкость приятно согрела горло, а терпкий, острый привкус имбиря привычно уколол язык.

— Изумительный чай, тётя, — искренне похвалил он, удерживая чашку в ладонях.

— Рада, что угодила, — Сунита удовлетворённо кивнула, ласково глядя на него. — Ты стал так редко баловать нас своими визитами, Шанкар, что я каждый раз переживаю. Пытаюсь приготовить всё самое любимое, чтобы ты подольше побыл дома.

Она ненадолго замолчала, задумчиво перебирая пальцами расшитый золотом край сари. Затем её взгляд посерьёзнел, наполнившись теплотой, с какой матери смотрят на своих давно выросших сыновей.

— Шанкар, — негромко начала она, придвинувшись чуть ближе. — Ты ведь знаешь, что для меня ты давно стал родной кровью. Я никогда не позволяю себе вмешиваться в твои дела или расспрашивать о бизнесе... Скажи мне как матери, когда ты, наконец, остепенишься и приведёшь в дом жену?

Шанкар медленно опустил чашку на блюдце.

— Тётя Сунита, мы ведь уже обсуждали это.

— Я говорю с тобой абсолютно серьёзно, сынок, — перебила она, и её улыбка окончательно угасла. — Тебе тридцать лет. Ты добился всего, о чём другие только мечтают: у тебя свой дом, машина, процветающее дело. Скажи мне, ради чего весь этот блеск, если ты один? Кому перейдёт твоя империя? Кто подаст тебе стакан воды, когда старость сожмёт плечи?

— У меня есть вы с дядей Анандом, — глухо отозвался Шанкар, пытаясь перевести всё в шутку. — Мне этого вполне достаточно.

— Мы не вечны на этой земле, Шанкар, — грустно вздохнула женщина, качнув головой. — Моё единственное желание перед тем, как боги призовут меня, успеть понянчить твоих детей. Я хочу увидеть твоих сыновей и дочерей, пока у меня ещё есть силы бегать за ними по этому саду. Не лишай меня этой скромной радости, умоляю.

Шанкар хранил тяжёлое молчание, пристально глядя на тёмную, подёрнутую молочной плёнкой поверхность чая. В его сознании на мгновение с пугающей чёткостью всплыло лицо Прии, он видел её фото. Молодая, нежная девушка с тонкими чертами лица и огромными, карими глазами, в которых читалась затаённая гордость.

— Скоро, — наконец негромко, но предельно твёрдо произнёс Шанкар, поднимая глаза на приёмную мать. — Это случится очень скоро, тётя Сунита. Обещаю тебе.

Она внимательно вгляделась в его суровое лицо, пытаясь уловить малейшие признаки лжи или дежурной отговорки, но взгляд Шанкара оставался абсолютно спокойным. Тётя Сунита удовлетворённо вздохнула.

— Хорошо. Я ловлю тебя на слове, сынок. И обязательно напомню, если ты забудешь.

Она поднялась со своего места, ловким движением собрала опустевшую посуду на поднос и снова удалилась на кухню.

В ту же минуту из глубины тёмного коридора донеслись знакомые, чуть шаркающие шаги. Дядя Ананд всю жизнь предпочитал передвигаться по дому исключительно в мягких кожаных сандалиях на плоской подошве.

— Шанкар, — доктор показался в дверном проёме.

На его благородном лице со следами застарелой усталости появилась та самая тёплая, всепонимающая улыбка, которую Шанкар помнил с первого дня их знакомства. Старик поправил воротник своей простой домашней курты и качнул головой в сторону коридора:

— Зайди ко мне в кабинет, сынок. Нам нужно серьёзно поговорить наедине.

Кабинет доктора Ананда Вермы находился в самом конце здания. Здесь всегда было немного тесно и душно: массивные стеллажи от пола до потолка ломились от тяжёлых медицинских справочников, на широком деревянном столе гудел старенький стационарный компьютер, окружённый высокими стопками бумаг и амбулаторных карт. На широком подоконнике зеленел ухоженный горшок с лечебным алоэ, а на центральной стене в скромной рамке висел выцветший портрет Махатмы Ганди.

— Присаживайся, — дядя Ананд со вздохом опустился в своё старое, изрядно потёртое кожаное кресло. — Ты слишком долго не приезжал, Шанкар. Сунита себе места не находит от тревоги, распереживалась вся. Говорит, твои звонки стали совсем короткими и редкими.

— Было слишком много неотложных дел, дядя. Буквально горели контракты.

— Я слежу за новостями бизнеса, — доктор положил руки на стол и внимательно посмотрел на воспитанника. — Твоя логистическая компания теперь официально входит в пятёрку крупнейших предприятий во всей Западной Индии. Ты построил колоссальную, мощную империю, Шанкар. И мы с Сунитой искренне гордимся твоим умом и упорством. Но я слишком хорошо знаю тебя, мальчик мой. Ты создавал этот бизнес не ради банального накопления рупий на банковских счетах. Я чувствую, что сейчас происходит нечто из ряда вон выходящее. Ты никогда раньше так остервенело не уходил в работу. Я ведь прав?

— Прав, дядя Ананд, — Шанкар не стал отпираться. Он повернулся к окну, разглядывая мясистые листья алоэ. — Я наконец-то нашёл его. Аджит Шехават. Он живёт и правит в том самом округе Раджастан, откуда родом моя покойная мать. Стал влиятельным главой клана, держит в руках местный бизнес, владеет огромными землями.

Доктор Ананд замер, и его лицо мгновенно посуровело.

— И что именно ты задумал, Шанкар?

— Моя операция уже запущена и идёт полным ходом, — в голосе Шанкара явственно прорезался безжалостный металл. — Его банковские долги скуплены моими структурами, крупнейшие оптовики разрывают с ним контракты один за другим. Очень скоро этот гордый раджпут потеряет абсолютно всё, что его отец и дед выстраивали поколениями. Я методично уничтожу его бизнес, — Шанкар перевёл ледяной взгляд на приёмного отца. — Это станет лишь скромным началом, затем я уничтожу его самого. Растопчу его имя.

Ананд Верма медленно снял очки, аккуратно опустил их на стопку бумаг и устало потёр пальцами переносицу.

— Ты хочешь пролить кровь, Шанкар? Ты планируешь убить его? Что значат эти страшные слова про уничтожение? — голос старого доктора дрогнул от подступившей горечи. — Мы с Сунитой воспитывали тебя не для того, чтобы ты стал хладнокровным убийцей. Мы с твоей матерью — врачи, Шанкар. Мы всю свою жизнь лечим людей и спасаем их от смерти. Ты вырос в доме, пропитанном милосердием. Или вся наша любовь была напрасной?

— Вы ни в чём не ошиблись, дядя, — Шанкар на секунду крепко зажмурился, и его челюсти сжались до боли. — Ваша любовь спасла мне жизнь. Но вы своими глазами не видели, как Аджит безжалостно расправлялся с моими родителями. Вы не слышали, с какой издевательской усмешкой этот человек назвал меня ничтожным крысёнышем, недостойным жить!

— Да, меня там не было, — тихо, с глубокой скорбью согласился дядя Ананд, глядя на него сострадательным взглядом. — Но зато я прекрасно помню испуганного восьмилетнего мальчугана, которого я спас на операционном столе, а затем привёз в этот дом. Ты несколько лет подряд просыпался в холодном поту от собственного крика и отчаянно звал маму. Я сидел у

твоей постели сотни ночей, Шанкар. Я буквально по капле впитывал твою колоссальную боль. И я всем сердцем понимаю, почему твоя душа так неистово жаждет мести.

Шанкар промолчал, шумно выдохнув сквозь зубы и пытаясь совладать с нахлынувшими воспоминаниями.

— Я не стану говорить тебе банальные слова о прощении, я просто не имею на это морального права, — продолжал доктор, подавшись вперёд. — Но я умоляю тебя: не становись похожим на своего врага. Не превращайся в чудовище. Ты волен разрушить его финансовую империю, растоптать его репутацию среди старейшин, лишить его будущего. Но если ты отберёшь у человека жизнь, даже у того, кто тысячу раз заслужил самую страшную смерть, ты переступишь ту невидимую черту, за которой твоя собственная душа окончательно погибнет. Оттуда возврата уже не будет, сынок.

Шанкар сидел неподвижно, его пальцы побелели от напряжения впившись в подлокотники кресла.

— Найди способ наказать его так, чтобы твои руки остались чистыми от крови, — тихо попросил старик.

— Мой план гораздо тоньше, дядя Ананд, — после недолгой паузы ответил Шанкар, и его плечи наконец немного расслабились. — Вы правы, я не убийца. Не беспокойтесь, гнить в тюрьме из-за этого подонка я точно не планирую.

— Посвяти меня в свои мысли.

— Не сейчас, — Шанкар решительно поднялся на ноги, давая понять, что тяжёлый разговор окончен. — Вы всё узнаете, когда наступит подходящее время. Но я даю вам слово чести: никто не умрёт.

Доктор Верма долго и проницательно смотрел на своего воспитанника, словно пытаясь заглянуть в самые потаённые уголки его израненных мыслей, после чего медленно качнул головой.

— Хорошо. Я верю тебе, Шанкар. Я не стану навязываться и лезть в твои дела, ты уже давно взрослый и самостоятельный мужчина. Но запомни раз и навсегда: если тебе когда-нибудь понадобится помощь, совет или просто убежище, двери этого дома открыты для тебя. Мы всегда на твоей стороне.

Шанкар подошёл к двери кабинета, но на самом пороге на секунду замер.

— Спасибо тебе, дядя Ананд. За то, что спас меня тогда. За всё.

Он вышел в светлый коридор гостиной. Тётя Сунита уже поджидала его там, бережно держа в руках небольшую глиняную пиалу с ароматным, ещё тёплым кхиром — густым рисовым пудингом с миндальной крошкой.

— Шанкар, неужели ты уже уезжаешь? Даже не пообедаешь с нами? — в её голосе прозвучало искреннее разочарование.

— Да, тётя Сунита, вынужден ехать. Слишком много работы в офисе, дела не ждут.

Она упрямо сделала шаг вперёд и протянула ему пиалу:

— Тогда съешь хотя бы несколько ложек прямо сейчас, с моих рук. Я ведь так старалась, готовила к твоему приезду.

Шанкар не смог сдержать мягкой улыбки. Отказать этой женщине было выше его сил, к тому же её кхир он обожал с самого детства. Он взял ложку, быстро съел сладкое угощение и бережно вернул пиалу приёмной матери.

— Невероятно вкусно, как и всегда, — искренне сказал он, целуя её в щеку. — В следующий свой приезд я обещаю остаться у вас на целые выходные.

— Смотри, я поймала тебя на слове! — с затаённой надеждой воскликнула женщина, провожая его до дверей.

— Обещаю, тётя. До встречи.

Глава 5

Тридцать два года назад

Трёхэтажное серое здание швейной фабрики располагалось в самом сердце мрачной промышленной зоны Курлы — огромного рабочего района Мумбаи, где воздух круглосуточно был пропитан удушливыми запахами дешёвой краски, машинного масла, мазута и жареного лука, доносившимися из многочисленных уличных лавок для бедноты.

Дивья робко вышла из переполненного автобуса вслед за представительницей мумбайского центра помощи женщинам «Шанти». Её спутницу звали Лаванья — это была невысокая, полноватая и очень улыбчивая женщина лет сорока с невероятно длинными чёрными волосами, заплетёнными в одну тугую, толстую косу. На ней было надето скромное хлопковое сари зелёного цвета, заметно потёртое на сгибах, но безупречно чистое и аккуратно задрапированное по всем правилам приличия.

Они неторопливо направлялись от заплёванной остановки к массивным фабричным воротам. Лаванья говорила без остановки, её мягкий голос лился непрерывным потоком. Женщина прекрасно понимала: для испуганной деревенской девушки, которая только что совершила безумный побег от собственной судьбы, гнетущее молчание — самый страшный враг, способный довести до паники.

— Ты только не бойся ничего, Дивья, милая, — ласково приговаривала Лаванья, то и дело придерживая спутницу за локоть. — Фабрика у нас официальная, хорошая, это не какой-то там подпольный криминальный цех в трущобах Дхарави. Наша «Сурадж Текстильз» крупная, работает исключительно на экспорт, они шьют огромные заказы для самой Европы. Условия труда здесь вполне человеческие, начальство строгое, но не звери, зря кричать не будут. Сначала ты пройдёшь короткий испытательный срок — всего пять дней, а потом начнёшь работать на общих основаниях. Платят стажёрам скромно, но на самостоятельную жизнь и еду тебе точно хватит. Комнатку в общежитии при фабрике тебе уже выделили, она совсем крошечная, но зато это будет твой собственный, безопасный угол.

Дивья послушно кивала на каждое слово наставницы, хотя смысл сказанного долетал до её сознания с трудом. Она широко раскрытыми глазами разглядывала гигантское безликое здание из бетона и никак не могла заставить себя поверить, что отныне это мрачное место станет её новой реальностью.

Дома, в Раджастхане, женщины из её уважаемого раджпутского клана никогда не работали. Подобное считалось страшным позором, опускающим семью на самое дно общества. Женщины их круга лишь повелевали слугами, воспитывали законных наследников и следили за безупречным порядком в поместье. Теперь она, дочь Протапа Бхати, стояла у проходной, в которую шли сотни простых женщин, торопясь занять свои рабочие места.

— Внутри будет очень шумно, — предупредила Лаванья, заметив, как Дивья внезапно побледнела. — Там сотни швейных машинок строчат одновременно, гул стоит невообразимый. Поначалу у тебя с непривычки закружится голова, но поверь моему опыту, дня через три ты привыкнешь и перестанешь замечать этот грохот. Главное — никогда не стесняйся и сразу спрашивай, если тебе что-то непонятно. Твоей непосредственной наставницей в цеху будет Кавита. Она женщина с тяжёлой судьбой, добрая, хотя на вид бывает излишне строгой. У неё ты быстро всему научишься.

— А если у меня ничего не получится? Если я окажусь криворукой и меня выгонят? — голос Дивьи предательски дрогнул, а на глаза едва не навернулись слёзы бессилия.

— Обязательно всё получится, даже не думай сомневаться, — Лаванья подбадривающе сжала её холодную ладонь. — Ты здесь далеко не первая и, поверь мне, далеко не последняя девушка с такой историей. Кавита ведь тоже когда-то сбежала из своего дома со старыми

порядками. Она, как никто другой, поймёт твою боль. Гони прочь страх, доченька. Страх в нашем деле ранит сильнее любой швейной иглы.

У проходной Лаванья уверенно продемонстрировала суровому охраннику свой пластиковый пропуск. Тот внимательно сверился со списками в засаленной тетради и молча кивнул в сторону Дивьи.

— Наша новенькая, под мою ответственность, — пояснила Лаванья. — Швейный стажёр.

Дивье протянули небольшую пластиковую карточку на плотном шнурке — на ней красовалась её свежая, наспех сделанная в центре помощи фотография. На белом пластике чёткими чёрными буквами было выведено её новое имя: «Дивья Шарма, швея-стажер».

— Ну вот и всё, первый шаг сделан, — Лаванья тепло улыбнулась и ободряюще похлопала девушку по плечу. — С богом, милая. Пойдём, я доведу тебя прямо до твоего цеха.

Внутри главного корпуса фабрика буквально содрогалась от оглушительного гула. Непрерывный, монотонный стрекот сотен профессиональных швейных машин больше всего на свете напоминал рой разозлённых лесных пчёл.

Работницы в одинаковой синей спецодежде сидели бесконечными ровными рядами, низко склонившись над швейными платформами. Ни одна из них даже головы не подняла, когда Дивья робко шла мимо них по бетонному проходу.

Лаванья уверенно подвела её к середине третьего ряда, где за машинкой сосредоточенно трудилась женщина лет тридцати. Её гладкие волосы были собраны на затылке в безупречный высокий пучок, а тонкие пальцы порхали над полотном ткани с потрясающей скоростью. На её шее среди складок простого сари поблёскивала тонкая золотая цепочка с чёрными бусинами — мангалсутра, священный знак замужней женщины.

— Кавита, дорогая, доброго дня, — окликнула её Лаванья, перекрикивая шум. — Я привела твою новую подопечную. Это Дивья Шарма. Пожалуйста, присмотри за девочкой.

Женщина мгновенно остановила машинку и подняла голову. У неё оказалось удивительно спокойное лицо с тонкими, едва заметными морщинками вокруг глаз.

Дивья поздоровалась, Кавита осмотрела её с ног до головы, после чего мягко улыбнулась.

— Здравствуйте, — негромко произнесла Кавита, и её голос оказался неожиданно низким и приятным.

Лаванья ласково шепнула девушке на прощание:

— Ничего не бойся, ты в надёжных руках. Я обязательно навещу тебя через пару дней, проверю, как ты устроилась на новом месте.

Лаванья быстро пошла к выходу, и Дивья осталась стоять посреди огромного, грохочущего цеха, совершенно не зная, куда деть свои дрожащие от волнения руки. Кавита указала на соседнюю пустующую швейную машинку:

— Расскажи мне, Дивья, ты шить умеешь?

— Дома шила, — едва слышно выдохнула Дивья, садясь на самый край табурета. — У нас в деревне была старая ручная машинка с колесом. Меня покойная матушка учила.

— Вот и отлично, значит, базовые навыки у тебя уже есть, — Кавита вытащила из большой корзины под столом кусок плотной неокрашенной ткани и протянула ученице. — Давай проверим, чему тебя матушка научила. Смелее, девочка, не дрожи ты так. Ткань бракованная, с дефектом окраски, её всё равно спишут в утиль, так что не бойся испортить.

Дивья набрала в лёгкие побольше воздуха, уселась поудобнее, заправила верхнюю нить в иглу, как учили, и аккуратно подвела край полотна под прижимную лапку. Её пальцы предательски дрожали от пережитого за последние дни стресса. Стоило ей нажать на педаль, как машинка резко рванула вперёд, строчка мгновенно ушла далеко в сторону, став кривой, а натянутая нить с сухим шелчком порвалась.

Дивья в ужасе замерла и вжала голову в плечи, на подсознательном уровне ожидая немедленного окрика, грубой брани или издевательской насмешки, так всегда было дома, если она

ошибалась. Однако Кавита лишь спокойно вздохнула и посмотрела на неё со сдержанным пониманием.

— У всех без исключения в первый день руки ходят ходуном, — негромко, но отчётливо произнесла наставница, наклоняясь к самому её уху, чтобы перекрыть непрекращающийся гул цеха. — Скажи мне честно, ты ведь тоже сбежала от семьи, верно?

Дивья обмерла. Дыхание перехватило от внезапного страха. Неужели её раскрыли?

— Да ты не бойся меня, глупышка, — Кавита ласково, но крепко сжала её онемевшую руку. — Я ведь сама точно так же сбежала из родного дома десять лет назад. Я из деревни в Махараштре. Мой отец вознамерился выдать меня замуж за местного землевладельца, который был вдвое старше. Мать перечить воле мужа не смела. Тогда я позвонила в центр «Шанти».

Дивья во все глаза смотрела на свою наставницу, не веря собственным ушам. Кавита выглядела такой собранной, уверенной в себе, сильной женщиной. Ни один человек в мире, взглянув на неё сейчас, не смог бы даже предположить, что она когда-то прошла через весь этот ад и унижение.

— Это правда? — едва слышно прошептала Дивья.

— Самая настоящая правда, девочка, — Кавита понимающе кивнула. — Первые три месяца после побега я каждую ночь просыпалась с диким криком в холодном поту. Мне постоянно казалось, что отец нашёл меня, связал и везёт обратно в деревню. Видишь, время идёт, и жизнь постепенно налаживается, если ты сама не опускаешь руки. А ну-ка, выпрями спину, расправь плечи и дыши глубже. Ткань от тебя никуда не убежит, контролируй её ход ладонью.

Дивья послушно сглотнула слёзы, выпрямилась и попробовала запустить машинку ещё раз. Серая строчка легла на ткань почти идеально ровно.

— Теперь другое дело, молодец, — удовлетворённо кивнула наставница. — Давай ещё раз, закрепляй движение.

Они сосредоточенно и молча проработали около часа. Дивья постепенно адаптировалась к бешеному ритму электрической машинки и оглушительному шуму цеха. Кавита время от времени мягко поправляла положение её запястий, наглядно демонстрируя, как правильно удерживать скользкий текстиль, чтобы игла не ломалась на утолщениях.

Самое удивительное заключалось в том, что на неё никто не повышал голос. Никто не смотрел с презрением. Это было настолько непривычно и ново после суровых, удушающих порядков раджастанского дома, что Дивья всё ещё подсознательно ждала подвоха, не веря своему внезапному счастью.

В какой-то момент, пока Кавита меняла шпульку с нитками, Дивья не удержалась и перевела взгляд на её шею, где мягко покачивалась мангалсутра.

— Кавита, выходит, ты всё-таки вышла замуж здесь, в Мумбаи? — с робким удивлением спросила девушка.

Наставница тепло улыбнулась и с нежностью коснулась пальцами маленьких чёрных бусин.

— Его зовут Судип, он работает обычным водителем на городском автобусном маршруте. Он небогат, у него нет знатного рода, но он потрясающий, добрый и очень любящий человек. Мои собственные родители до сих пор считают меня мёртвой и проклинали моё имя, зато его семья приняла меня как родную дочь.

— И ты всё равно продолжаешь каждый день приходить на эту фабрику и работать?

— Конечно, — Кавита весело усмехнулась. — В таком дорогом городе, как Мумбаи, с двумя доходами жить гораздо легче и спокойнее. Да и к тому же, признаться честно, я искренне люблю своё дело. Шитьё — это единственное, что я умею делать в этой жизни по-настоящему хорошо и профессионально. Здесь я чувствую себя хозяйкой своей судьбы.

Ровно в двенадцать часов дня массивные электрические часы, установленные над главным входом в цех, пронзительно и противно завершали, объявляя обеденный перерыв. Стре-

кот сотен швейных аппаратов мгновенно смолк, погрузив помещение в непривычную тишину. Женщины принялись дружно подниматься со своих мест, устало потягиваться.

— Пошли, стажёр, — сказала Кавита, ловко снимая синий рабочий фартук и аккуратно вешая его на спинку стула. — Я покажу тебе нашу фабричную столовую. Нам нужно подкрепиться.

— У меня нет с собой денег, — Дивья мгновенно залилась краской стыда, испуганно опустив глаза в пол. — В приюте «Шанти» меня кормили бесплатно каждое утро и вечер, но наличных рупий мне пока не выдавали.

— Обеды тут дешёвые. Восемьдесят процентов покрывает фабрика. «Шанти» оплачивает своим подопечным еду до первой зарплаты.

Они спустились по широкой лестнице на первый этаж, где за массивными стеклянными дверями располагалась просторная фабричная столовая. Помещение было заставлено длинными пластиковыми столами, а от бетонного пола, который только что помыли, исходила приятная влажная прохлада. В воздухе стоял умопомрачительный аромат варёного риса, пряной чечевицы и свежеспечённых горячих лепёшек.

Очередь из работниц медленно двигалась вдоль длинной раздаточной стойки, за которой две дородные поварихи в белоснежных колпаках ловко раскладывали дымящуюся еду по специальным металлическим подносам с глубокими секциями.

Кавита уверенно взяла два подноса и протянула один ошеломлённой Дивье. Она подвела Дивью к суровой кассирше. Та мельком взглянула на пластиковую карточку на шее девушки, сделала размашистую галочку в своём толстом журнале и коротким кивком головы разрешила взять порцию.

На металлический поднос Дивьи повариха щедрой рукой выложила: внушительную горку белоснежного рассыпчатого риса, половник жёлтого дала из разваренной чечевицы со специями, порцию ароматного овощного рагу из цветной капусты и молодого картофеля, две пышные лепёшки-чапати и маленький бумажный стаканчик с традиционным сладким чаем.

— Ой, как же много. Я столько ни за что не съем, — растерянно пробормотала Дивья, едва удерживая тяжёлый поднос в руках.

— Ешь и не разговаривай, — ласково улыбнулась Кавита, увлекая её к свободному столу у окна. — Тебе работать за машинкой до самого вечера, силы понадобятся.

Они устроились за чистым столом. Дивья осторожно, стараясь не обжечь пальцы, отщипнула кусочек чапати, аккуратно обмакнула его в дал и отправила в рот. Еда оказалась обжигающе горячей, острой от специй и невероятно вкусной. Настоящий вкус долгожданной свободы.

Глава 6

Настоящее время

Стены кабинета надёжно отделяли Шанкара от внешнего мира. Шанкар сидел в кресле. Рукава его светло-серой рубашки были аккуратно подвёрнуты до локтей. Перед ним на ноутбуке светились сложные сводные таблицы, логистические цепочки через порт Нава-Шева. Он быстро делал короткие заметки в кожаном ежедневнике серебряной перьевой ручкой. В его движениях сквозила абсолютная сосредоточенность. На журнальном столике завибрировал мобильный телефон. Опустив взгляд на экран, Шанкар плавно потянулся за трубкой и глубже откинулся на высокую спинку кресла.

— Да, Махеш.

— Добрый день, господин Шанкар. Есть важные новости, — голос Ране звучал приглушённо из-за сильных помех, сквозь которые прорывались далёкие автомобильные гудки и гомон уличных торговцев.

— Ближе к делу. Что тебе удалось узнать? — спросил Шанкар, минуя обязательные в индийском этикете долгие расспросы о здоровье и делах.

— Я разыскал нужного человека. Это местный пандит, Гопал Тивари, он служит в старом храме Шивы в двадцати километрах от поместья Шехават. Он настоящий традиционалист, но мне удалось нащупать его слабое место. У него есть единственный шестнадцатилетний сын, который угасает от тяжёлого недуга крови. Я лично проверил медицинские заключения из клиники в Джайпуре. Мальчику жизненно необходим оригинальный препарат «Иманиб», американского производства.

Стук пальца по столу мгновенно прекратился. В кабинете воцарилась тяжёлая тишина, нарушаемая лишь мерным гулом вентиляции.

— Говори дальше.

— Там курс двести тысяч. В наших аптеках оригинал не найти, а у скромного храмового служителя таких денег нет.

Шанкар медленно развернул кресло к панорамному окну.

— Пришли мне точное латинское наименование лекарства в мессенджер, — ответил он ледяным тоном. — Моя логистическая компания организует прямую доставку из Штатов, самолёт прибудет через четыре дня, а ты возвращайся к пандиту. Почтенный брахман должен понять, что ради спасения единственного наследника ему придётся переступить через гордость и помочь нам с ритуалом.

На том конце провода возникла короткая пауза. Потом Махеш ответил уважительно:

— Я сделаю всё как надо, господин Шанкар. Когда на кону стоит жизнь сына, даже самый упрямый раджпут соглашается на условия.

Шанкар прервал вызов и несколько секунд задумчиво смотрел на потемневший дисплей. Двести тысяч долларов — цена жизни подростка и лояльности его отца. В масштабах его финансовой империи эта сумма являлась ничтожной каплей.

Шанкар собирался сделать глоток из чашки с остывающим чаем, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Порог переступил Раджив Мехта — главный юрист компании. Несмотря на жару, он оставался в строгом тёмно-синем костюме, хотя узел его шелкового галстука был заметно ослаблен, а на лбу блестели мелкие капли пота.

— Присаживайтесь, Раджив, — Шанкар едва заметным кивком указал на глубокое гостевое кресло.

Мехта аккуратно опустился на сиденье и поправил очки в тонкой оправе.

— Юристы завершили сделку, — произнёс он, демонстрируя безупречную деловую выправку. — Руководство кооперативного фонда в Пали, не желало переуступать права требования по кредиту сторонней организации. Однако мы сумели обнаружить скрытую лазейку в договоре залога. Теперь основной, самый крупный долг Аджита Шехавата официально принадлежит нашей дочерней структуре.

— Аджит уже в курсе?

— Пока нет. Официальное уведомление банк отправит заказным письмом, так что у нас есть пару дней. Насколько мне известно, в доме Аджита сейчас царит настоящая паника.

— Каковы его дальнейшие шаги? — на лице Шанкара появилась зловещая улыбка.

— Он предпринимает попытки распродать свои отдалённые земельные угодья. Речь идёт о трёх засушливых участках на самой границе пустыни Тар. Земля там каменистая, совершенно бесплодная, непригодная для сельского хозяйства. Чтобы привлечь покупателей и поскорее получить рупии, он снизил цену до абсолютного минимума. Двое местных уже проявили интерес.

Лицо Шанкара превратилось в непроницаемую маску, на которой не отразилось ни единой эмоции, лишь холодный, безжалостный расчёт. Он взял со стола мобильный телефон и вновь набрал номер своего помощника.

— Господин Шанкар? — в голосе Ране промелькнуло удивление от столь быстрого повторного звонка.

— Слушай меня внимательно, — Шанкар заговорил тише, но от этого вкрадчивого тона у Раджива Мехты, внимательно наблюдавшего за начальником, по спине пробежал неприятный холодок. — Шехават пытается избавиться от трёх участков возле пустыни. Там объявились двое потенциальных покупателей. Твоя задача сделать так, чтобы эту землю у него никто не выкупил. Надави на этих людей, используй любые рычаги. Аджит не должен выручить за эту сделку ни единой монеты. Он обязан остаться один на один со своими долгами.

— К сегодняшнему вечеру оба претендента откажутся от своих предложений, — без тени сомнения ответил Махеш

Шанкар завершил вызов и перевернул гаджет экраном вниз. Ни один человек в этом здании не догадывался, что прямо сейчас, за сотни километров от Мумбаи, окончательно захлопнулась дверца капкана, в котором медленно погибал человек, когда-то безжалостно лишивший Шанкара родителей.

— На этом всё, Раджив?

Мехта молча кивнул, собрал документы обратно в папку и поднялся с кресла. У самого выхода он на секунду помедлил, словно поддавшись порыву что-то спросить, но вовремя остановил себя. За долгие годы преданной службы юрист твёрдо усвоил главное правило: Шанкар Махаджан никогда и ни с кем не обсуждает мотивы своих решений.

Тридцать два года назад

Дивья и Кавита устроились за столом у окна фабричной столовой. Девушка неторопливо доедала остатки белого риса со своего стального подноса. За те полгода, что она провела на швейной фабрике «Сурадх Текстильз», её жизнь разительно изменилась. В движениях появилась непривычная прежде уверенность: она больше не вздрагивала от каждого резкого звука. Постепенно привыкла к изнурительным многочасовым сменам за тяжёлой швейной машинкой.

Теперь девушка жила в небольшом ведомственном общежитии. У неё была скромная комнатка на двоих, общая душевая в конце длинного коридора и обязательное требование соблюдать тишину после десяти часов вечера. Конечно, ей всё ещё отчаянно не хватало родного дома, но парализующий страх, терзавший её в первые недели, понемногу утих. Мысль о том, что разгневанный отец вот-вот выследит её и убьёт ради спасения пресловутой чести клана, больше не лишала её сна.

Кавита аккуратно подцепила ложкой кусок нежного сыра-панира из пряного овощного рагу и с понимающей улыбкой взглянула на подругу:

— Ты чего задумалась, Дивья? Доедай скорее, а то рис совсем остынет и станет безвкусным.

Девушка едва заметно качнула головой в сторону противоположного конца зала. Там, у раздаточной стойки, стоял Арун — молодой улыбчивый наладчик, который обслуживал электрическое оборудование в их цеху. Это был высокий, подтянутый парень с добрым лицом и на удивление застенчивым взглядом.

— Посмотри, Кавита, — тихо произнесла Дивья, скромно опуская ресницы. — Он ведь снова смотрит в нашу сторону. Прямо на меня.

Кавита украдкой обернулась. Арун тут же поймал её строгий взгляд и поспешно сделал вид, будто увлечён выбором свежих лепёшек.

— Ну и что в этом плохого? — Кавита добродушно усмехнулась, возвращаясь к своей тарелке. — Ты у нас девушка видная, статная. Естественно, что молодые люди обращают внимание.

— В столовой он постоянно умудряется сесть напротив, — вздохнула Дивья, нервно теребя пальцами край грубого рабочего фартука. — А когда проходит мимо моего места в цеху, так тяжело вздыхает. Скажи, сестра, разве прилично так вести себя честному мужчине? Вдруг он женат, а я, сама того не ведая, навлекая на себя грех и дурную славу?

Кавита отложила ложку в сторону и заметно посерьёзнела:

— Арун не женат, это я тебе точно говорю, можешь не сомневаться. У него вообще никого из родни не осталось, он сирота. Живёт один на самой окраине рабочего квартала, в маленьком домике, который достался ему от деда. Парень он приличный, на фабрике его все уважают.

— Откуда у тебя такие подробности? — удивлённо приподняла брови Дивья.

— Милая моя, мы с ним на этом производстве бок о бок трудимся уже больше трёх лет, — Кавита легкомысленно пожала плечами. — От зорких глаз наших швей ни одну тайну не скроешь.

Кавита допила свой остывающий чай, шумно вздохнула и поднялась из-за стола.

— Ладно, сестрёнка, мне пора бежать назад в цех. Нужно до конца смены сдать всю норму старшему мастеру.

Подхватив пустой поднос, подруга быстро направилась к пункту сбора посуды, оставив Дивью в одиночестве.

Девушка сидела, задумчиво глядя в мутноватое оконное стекло, и не заметила, как Арун приблизился к её столику.

— Извините, Дивья, — с явным волнением в голосе произнёс парень. — Здесь не занято? Позвольте мне присесть рядом?

Дивья вздрогнула от неожиданности и робко подняла на него глаза. Наладчик стоял перед ней, неловко переминался с ноги на ногу.

— Я уже закончила обед, садитесь, — ответила она, поспешно отодвигая посуду ближе к краю стола.

Арун опустил на табурет и несколько секунд молча ковырял ложкой жёлтый дал, не смея поднять на неё взгляд. Потом он прерывисто вздохнул и заговорил:

— Дивья, простите мне мою смелость, но я уже несколько месяцев искал удобного случая, чтобы поговорить с вами. Вы мне очень нравитесь. И это правда, поверьте, не пустые слова ради забавы.

Дивья мгновенно почувствовала, как горячий румянец окрасил её щёки. От нахлынувшего волнения она не могла подобрать ни одного подходящего слова для ответа. Ни один мужчина не говорил ей ничего подобного прямо в лицо. В Раджастхане её судьбу решали за плотно

закрытыми дверями. Отец явился и непреклонным тоном объявил, что приедут свататься. Её мнения никто не спрашивал.

— Я бы очень хотел пригласить вас на прогулку в это воскресенье, — заметив её замешательство, парень заговорил быстрее.

Дивья смущённо опустила глаза.

— Это не совсем прилично, Арун. Мы ведь с вами почти незнакомы, что люди на фабрике подумают?

— Я прекрасно всё понимаю и глубоко уважаю ваши правила, — горячо отозвался парень, подавшись чуть вперёд. — Клянусь вам, я не предлагаю ничего дурного. Мы могли бы прогуляться по городскому парку, там по выходным всегдалюдно, много семей с детьми. В этом нет никакого позора или греха, поверьте мне. Мы ведь в большом городе, Дивья, здесь молодёжь давно живёт иначе и спокойно ходит на свидания.

Девушка хранила молчание. Внутри неё традиционное раджпутское воспитание всё ещё отчаянно сопротивлялось этому дерзкому предложению. Покойная мать с раннего детства внушала ей, что порядочная девушка ни в коем случае не должна оставаться наедине с мужчиной, который не является ей законным мужем или близким родственником. Подобное легкомыслие неминуемо повлекло бы за собой грязные слухи и страшный позор на весь их старинный род.

Матери больше не было в живых. Родной дом остался далеко. Семьи для неё отныне не существовало. Она была совершенно одна в этом бушующем мегаполисе. Кавита, которая за эти месяцы стала ей ближе родной сестры, как-то сказала важные слова: «Ты отныне сама хозяйка своей судьбы, Дивья. Запомни: в этом городе тебя больше никто и никогда не сможет продать или выдать замуж силой, без твоего собственного согласия».

— Хорошо, — тихо, но отчётливо произнесла Дивья, внезапно набравшись смелости. — В воскресенье, в два часа дня я буду ждать вас у главных ворот общежития.

Арун искренне улыбнулся, и на его загорелых щеках появились забавные ямочки.

— Спасибо вам, Дивья. Я обязательно приду вовремя, не опоздаю ни на одну минуту.

Глава 7

Настоящее время

Спальня Аджиты Шекхавата тонула в душном полумраке. Резные ставни были прикрыты, пропуская внутрь лишь узкие полосы обжигающего послеполуденного света. Воздух в комнате пропитался резким ароматом отвара. Жена принесла его час назад, но Аджит так и не прикоснулся к целебному питью.

Глава клана лежал на широкой кровати. Его правая рука безвольно свисала с края матраса, а пальцы едва заметно подрагивали. Давление подскочило ещё ранним утром, едва он развернул очередное официальное письмо от крупного закупщика специй из Джодхпура. Тот наотрез отказывался принимать партию чили и куркумы, ссылаясь на внезапно изменившиеся условия. Это был уже третий сорвавшийся договор за неделю.

В висках Аджиты стучала кровь. Перед закрытыми глазами плавали тёмные пятна.

Он попытался сосредоточиться и подумать о делах. Дальние уголья у самой кромки пустыни Тар оставались его последней надеждой. Он выставил их на продажу, скинув цену втрое ниже рыночной стоимости. Ему нужны деньги, чтобы перекрыть набежавшие проценты, пока банк не наложил арест на родовое поместье.

Покупатели нашлись быстро, двое зажиточных землевладельцев из соседней деревни. Они торговались, сбивая цену ещё ниже, Аджит готов был уступить, но пока медлил.

Пустить под нож племенных буйволов он не мог. Для благородного раджпуты стадо породистых животных являлось мерилом статуса. Продать их перекупщикам на бойню, означало открыто расписаться перед всей округой в собственном бессилии. Сказать соседям, что глава клана превратился в нищего.

Аджит яростно заскрипел зубами и попытался сесть выше, опираясь на локти, но комната мгновенно накренилась и поплыла перед глазами.

Какой невидимый враг, шаг за шагом, лишает его налаженного бизнеса? Конкуренты из соседних округов? Глупость, у этих мелких лавочников никогда не водилось подобных денег и такой бульдожьей хватки. Местные чиновники? Тоже мимо, государственные служащие предпочитают брать щедрые взятки, а не уничтожать чужой бизнес под корень. Неужели в клане завёлся змеёныш, сливающий информацию?

В комнату без стука зашёл Викрам. Старший сын, обычно державшийся с надменной уверенностью, сейчас выглядел так, словно за ним гналась стая бродячих псов. На его лбу блестели крупные капли пота, шелковый тюрбан съехал набок.

— Отец

Аджит с усилием приподнялся.

— Чего ты врываешься без стука? — его голос прозвучал сипло.

Сын топтался у порога, не решаясь пройти дальше.

— Покупатели отказались подписывать договор на покупку земель.

— Что значит отказались?! — крикнул Аджит, впиваясь взглядом в лицо сына.

— Я только что разговаривал с одним из них. Он прятал глаза и твердил: «Прости, Викрам, но мы не можем взять эту землю, даже если ты отдашь её даром». Когда я прижал его к стене и потребовал объяснений, он признался, что к ним нанесли визит чужаки.

— Какие ещё чужаки? — Аджит рывком сел на кровати, спустив ноги на пол. Голова кружилась немилосердно, но он упрямо проигнорировал вспышку боли. — Мы опустили цену ниже некуда! Мы фактически дарили им эти наделы! Как они могли пойти на попятную?

— Им ясно дали понять: любая рупия, переведённая на счета Шехаватов, обернётся крахом для их собственных семей.

Аджит резко вскочил с постели. Босые подошвы обожгло холодом каменных плит. Он заметался по просторной спальне, размахивая руками.

Остановившись посреди комнаты, Аджит сжал ладонями пульсирующие виски.

— Кто? — прорычал он грозно. — Кто этот шакал, что режет нас без ножа?

— Мы не знаем, отец. Никаких имён.

— Не знаешь?!

Аджит круто развернулся. Сделав два широких шага, он вплотную приблизился к сыну и с силой схватил его за грудки. Викрам был на голову выше и намного сильнее, но перехватить запястья отца не посмел.

— Я доверил тебе самое важное, найти тварь, которая планомерно уничтожает наш род! — прошипел Аджит, тряся сына с такой силой, что у того качнулся тюрбан. — Ты — мой старший наследник! Моя правая рука! Почему ты поджал хвост перед первыми трудностями?!

— Я перевернул все связи, отец, — голос Викара дрогнул от обиды. — Все финансовые потоки ведут в деловые кварталы Мумбаи, а дальше след обрывается. Фирмы зарегистрированы на подставных лиц. Против нас играет кто-то невероятно могущественный.

— И что с того?! — Аджит дёрнул сына за воротник, тяжело дыша. — Деньги? У Шехаватов тоже были деньги и влияние! Мы правили этими землями и собирали дань, когда предки этих мумбайских торгашей ютились в прибрежных трущобах под пальмовыми навесами! Сейчас ты стоишь передо мной и расписываешься в собственном скудоумии, не способный назвать имя врага!

— Отец, выслушай меня, это ещё не самое страшное, — выдохнул Викрам, осторожно высвобождаясь из хватки отца. Он залез в карман курты и протянул Аджиту сложенное вчетверо официальное письмо. — Посыльный из кредитного кооператива в Пали привёз это полчаса назад. Наш последний заём перекуплен.

— Что ты несёшь?!

— Мы просрочили обязательный платёж всего на неделю, но Мумбайская крыса воспользовалась этой лазейкой. Я собирался сегодня заплатить, но руководство кооператива заявило, что документы уже переоформлены, наш долг отдали. Мы опоздали.

Аджит вырвал бумагу из рук сына. Глаза лихорадочно забегали по напечатанным строкам. Печать государственного регистратора. Подпись управляющего. Номер договора. Всё было оформлено безупречно и абсолютно законно.

Он с яростью скомкал извещение и швырнул его в угол спальни.

— Значит, у нас ничего не осталось? — тихо спросил Аджит, не узнавая собственного, надтреснутого голоса. — Только заполненные склады с нераспроданным товаром и эти проклятые бесплодные земли?

Аджит отвернулся к стене и наотмашь ударил кулаком по каменной кладке. Острая боль мгновенно обожгла руку. Кто-то хладнокровно затягивал удавку. Понять бы кто это.

В этот момент громко задребезжал мобильный телефон, лежащий на тумбочке. На экране высветился незнакомый номер.

— Кто там? — поинтересовался Викрам, делая шаг вперёд.

Аджит не удостоил его ответом. Он нажал кнопку приёма и поднёс трубку к уху.

— Аджит Шехават? — послышался мужской голос. Он звучал вежливо и пугающе безэмоционально. — На связи Раджив Мехта, главный юрисконсульт «Дам-логистик». Завтра утром я и глава нашей компании прибываем рейсом из Мумбаи. Нам необходимо обсудить условия погашения ваших просроченных задолженностей. Ждите нашего визита в поместье.

В трубке раздались короткие гудки.

Аджит медленно опустил руку, но продолжил всматриваться в погасший дисплей. Пальцы, сжимавшие пластиковый корпус, побелели.

— Отец? — Викрам взволнованно заглянул ему в лицо. — Кто звонил?

Аджит повернулся к сыну. В его глубоко посаженных глазах плескалось чуждое ему прежде чувство. Гордый раджпут впервые в жизни испытывал страх.

— Завтра, — просипел Аджит, с трудом сглатывая слюну. — Они явятся сюда завтра. Из самого Мумбаи. Хотят говорить о наших долгах.

— Кто они такие? Как называется фирма? — Викрам округлил глаза.

— «Мдиа-логистик». Я никогда раньше не слышал этого названия.

Глава 8

Шанкар вышел из прохладного салона машины, в котором работал кондиционер, и его тут же обволок сухой жар Раджастхана. Воздух здесь был совсем другим, нежели в Мумбаи с привкусом пыли и горьких трав.

Шанкар поправил воротник тёмно-синей льняной курты. На нём не было никаких лишних украшений, статус выдавали только дорогие золотые часы на запястье.

След в след за ним появился Раджив Мехта с кожаным кейсом в руках. Трое молчаливых охранников в белых рубашках остались у ворот.

Само поместье Шехаватов выглядело внушительно, хотя на фасаде уже проступали следы запущенности. Шанкар сразу заметил, что два года неурожая и долги едва не ввергли дом в упадок.

Прошли через кованую калитку, которую услужливо открыл молодой слуга в простой серой одежде. На просторной веранде Шанкар увидел Аджита Шехавата, главу клана. Это был широкоплечий раджпут в традиционном тёмно-красном тюрбане. Он старался не подавать виду, как взволнован, но по мелким деталям Махаджан понял, хозяин дома нервничает. Чуть позади Аджита стоял его сын, Викрам. В отличие от отца тот не мог скрыть эмоций, и на его лице была видна растерянность. Гости явно ожидали увидеть дельца в европейском костюме, и Шанкар предвидел это, специально надел индийский наряд.

Он остановился в нескольких шагах от веранды и не спешил здороваться, нарушая все правила приличия.

— Здравствуйте, меня зовут Раджив Мехта, я адвокат, а это Шанкар Махаджан, владелец фирмы «Мдиа-логистикс», — сказал адвокат.

— Добро пожаловать, господин Махаджан, — негромко произнёс Аджит. Его голос звучал подчёркнуто вежливо, но Шанкар уловил брезгливые нотки. — Дорога из аэропорта долгая. Позвольте предложить вам нимбу-пани?

— Да, спасибо. С солью, без сахара, — ответил Шанкар.

Через пару минут слуга торопливо вынес стаканы на серебряном подносе, украшенном гравировкой в виде двух скрещенных мечей. Шанкар сделал один глоток, чтобы соблюсти минимальные приличия, и вернул стакан. Он не станет есть и пить в этом доме, даже если будет умирать от жажды.

Старый раджпут внимательно всматривался в его лицо, словно пытался отыскать в памяти знакомые черты. Шанкар улыбнулся кончиками губ: «Ищи сколько угодно. Ты всё равно не сразу поймёшь, кто я».

— Прошу в дом, — Аджит указал рукой на массивные деревянные двери.

Они направились по прохладному коридору к кабинету. Обстановка здесь была традиционной: тяжёлая мебель, оружие на стенах, но у окна всё же работал современный кондиционер. Аджит сел в своё кресло, Викрам сразу встал за его спиной. Гостям предложили гостевые кресла. Адвокат положил кейс на стол и открыл его.

— Итак, господин Махаджан, — Аджит опустил ладони на стол. — Нам сказали, что вы прилетели из Мумбаи ради срочного разговора с нами. Что привело вас к нам?

Шанкар не стал тратить время на пустые предисловия, он протянул руку, и Раджив тут же передал ему пластиковую папку с документами.

— Здесь все ваши долги, господин Шехават, — ровным тоном произнёс Шанкар и небрежно положил папку перед хозяином дома. — Счета из коммерческих банков, обязательства перед частными займодавцами, залоги. Моя компания выкупила их все до единого. Теперь у вас только один кредитор. Я требую полного возврата долга в течение семи дней.

Шанкар подмечал все детали и наслаждался своим триумфом. Было забавно наблюдать, как эти люди только что с презрением смотрели ему в лицо, а теперь не знали, что ответить. Викрам резко переменялся в лице и шумно выдохнул. Аджит открыл папку, вчитываясь в первые страницы. Его пальцы, украшенные перстнями, едва заметно дрожали.

— Вы же прекрасно знаете, что у нас нет такой суммы, — глухо сказал старик. — Ни у кого в округе нет таких денег сразу.

— Знаю, но разве это мои проблемы, господя? Или вы сочли меня благотворителем?

— Мы можем переоформить обязательства, — Аджит попытался вернуть голосу твёрдость. — Через два месяца начнётся сбор и отгрузка урожая тмина. Мы подпишем контракт на прямые поставки...

— Торговый дом Сингхания из Джайпура аннулировал ваше соглашение, — перебил его Шанкар, даже не повышая голоса. — Я знаю, что крупных оптовиков у вас больше нет, поэтому не пытайтесь меня обмануть пустыми обещаниями, господин Шехават. Канал сбыта закрыт, пока я не скажу снять вашу блокаду.

Аджит замер, медленно поднял глаза на гостя. В его взгляде смешались растерянность и ярость.

— Это ваших рук дело? Вы намеренно заблокировали наши контакты? Вы хотите полностью разорить нас?

— Я приехал предложить вам выход, — ответил Шанкар снисходительно.

Аджит глубоко вдохнул, пытаясь справиться с нахлынувшим гневом, и откинулся на спинку кресла. Как бы ему сейчас хотелось снять фамильный меч со стены и заколоть этого наглого мумбайского дельца. Приходилось держать себя гордо, несмотря ни на что. Он не станет падать на колени перед врагом.

— И на каких условиях вы предлагаете мне выход?

Адвокат достал из кейса официальную бумагу со штампом юридической фирмы и положил её поверх долговой папки.

— В этом документе написано, что мой доверитель полностью аннулирует все ваши долги. Говоря простым языком, он прощает вам всё, что вы ему задолжали.

Аджит нахмурился, просто так огромную сумму никто не дарит, всегда что-то требуют взамен. Они же не близкая родня, что сказать друг другу: «Не переживай, брат, как-нибудь сочтёмся. Отдашь, когда сможешь».

— Это нереальная щедрость. Вам нужно что-то взамен. Я прав? — Аджит почувствовал, как от волнения дрогнул голос, и готов был проклясть себя за это.

— Взамен я требую согласия на брак. Ваша дочь, Прия, станет моей женой, — ответил Шанкар таким тоном, будто зачитал официанту, что выбрал из меню ресторана.

В кабинете стало так тихо, что отчётливо послышался сухой стрекот цикад из окна. Аджит от шока открыл рот и тут же захлопнул, не зная, как ответить на эту наглость. Вернее, он знал как, нужно тупо пристрелить Махаджана, но на старости лет попасть в тюрьму не хотелось.

— Да вы в своём уме?! — не выдержал Викрам, делая шаг вперёд из-за кресла отца. — Вы хоть понимаете, что предлагаете?!

Сын повысил голос, и Аджит мысленно его поблагодарил, он вывел его из ступора. Шанкар даже не повернул головы в его сторону, продолжил смотреть исключительно на Аджита, при этом на его губах скользнула гаденькая ухмылка.

— Ваша дочь выходит за меня, а вы получаете чистые документы и свободу от банкротства. Выбор за вами, — удивительно, но голос Шанкара не повысился, он был так же спокоен, как и в первые секунды пребывания тут.

— Это унижительно! — Аджит едва сдерживал гнев, его лицо побагровело. — Вы не можете ставить нам такие условия!

— Уже поставил, — Шанкар поднялся со своего места, застёгивая пуговицу курты. — Юридически этот дом и вся земля вокруг ещё не принадлежат мне, но скоро это произойдёт.

— Вот ещё один документ. Это копия заявления в суд, завтра же мы подадим его в Джайпуре. Поверьте мне, господин Шехават, через три дня ваши земли уйдут с молотка и дом тоже. Это я вам как юрист говорю, — спокойно произнёс Мехта, кидая очередную бумагу на стол.

— Насчёт дома я ещё подумаю, господин Мехта. Пойду, пройду по территории, посмотрю, стоит ли всё сровнять с землёй или всё же оставить себе в качестве сувенира. У вас есть ровно полчаса, чтобы принять решение, господа.

Шанкар развернулся и направился к выходу. Раджив Мехта быстро собрал бумаги и поспешил за ним, оставил только копию заявления в суд.

Глава 9

Едва дверь за гостями закрылась, Викрам обессиленно прислонился к стене. Аджит продолжал сидеть за столом, тяжело дыша. Его крупные ладони до белизны в суставах впились в край деревянной столешницы.

— Я уничтожу его! — тихо, но гневно сказал старик, глядя перед собой остекленевшим взглядом. — Клянусь всеми предками, этот наглец не уедет отсюда живым.

— Отец, остановись, — сказал Викрам и дотронулся до его плеча.

— Замолчи! Ты ничего не понимаешь, — прикрикнул Аджит, не выдержав.

— Нет, выслушай меня! — Викрам встал впереди, заставив отца посмотреть на себя. — У нас три дня до официального судебного ареста имущества. Если мы откажемся отдать Прию или долг за неделю, они заберут всё: дом, земли, технику. У меня жена на восьмом месяце, скоро родится твой внук. Куда мы их повезём? В трущобы?

— Я найду выход. Поеду к родственникам, займу у ростовщиков в городе, продам золото...

— Никто ничего не даст, папа! — в голосе Викрама проступило отчаяние. — Этот Махаджан перекрыл нам весь кислород. Банки не разговаривают со мной, оптовики разорвали контракты, даже местные торговцы отводят глаза. Мы в капкане.

Отец медленно ослабил хватку, его руки безжизненно упали на колени. Он внезапно показался Викраму очень старым и сломленным

— Позови мать, — тихо приказал отец.

Викрам удивлённо поднял брови: по семейным традициям женщинам не положено заходить в кабинет марданы, где решались дела, но спорить сейчас не время. Он быстро пошёл через внутренний двор в женскую половину дома. На душе нарастала паника, как бы папа чего плохого не удумал. Шанкар Махаджан их враг, но топить дом в его крови тоже не дело.

Мать сидела на невысокой кушетке и вышивала, по её напряжённой позе было ясно, что она ждала известий.

— Викрам? Что там происходит? Я видела в окно, что прибыли незнакомцы, — спросила она, заметив сына.

— Отец просит тебя зайти в кабинет. Новости очень плохие.

Мама молча поднялась, поправила простое хлопковое сари и пошла вслед за сыном. Когда они вошли в кабинет, Викрам плотно закрыл за собой дверь. Отец без лишних слов, изложил суть дела: полное разорение, ультиматум и требование Шанкара. Мать даже не присела, слушала, стоя посреди комнаты.

— Этот человек заберёт Прию, — закончил Аджит, сжав кулаки. — Я скорее пушу ему пулю в лоб, чем соглашусь на это бесчестье. Моя гордость не позволит

— Да замолчи ты наконец! — мама внезапно сорвалась на крик.

Викрам опешил. За всю свою жизнь он ни разу не слышал, чтобы она повышала голос на отца, тем более в таком тоне.

— Какая гордость, Аджит?! О какой раджпутской чести ты сейчас говоришь?! — Чандра шагнула к столу, её глаза блеснули от слёз, но голос оставался твёрдым. — Биру нужно заканчивать учёбу! У Викрама скоро родится ребёнок! Куда ты нас всех поведёшь, когда этот мумбайский делец выставит нас за ворота?! Ты думаешь, твои родственники помогут?! Да они первыми сделают вид, что не знают нас! Многие уже от нас отвернулись! Мы останемся на улице, а ты будешь сидеть на обочине дороги со своей честью!

Мама тяжело дышала, глядя на мужа. Отец молчал, его губы подрагивали, видимо, он не находил слов для ответа. Викрам смотрел на это и не узнавал мать, откуда только смелость взялась.

— Отдай ему Прию, — жёстко подвела итог мама. — Спаси тех, кто остался.

Она резко развернулась, отошла к стене и скрестила руки на груди. Отец долго смотрел на свои ладони, затем поднял взгляд на сына.

— Зови его обратно, Викрам.

Шанкар вернулся по просьбе Викрама и ничуть не волновался, если Аджит откажет, у него есть ещё один козырь. Не может такого быть, чтобы тщательно проработанный план не сработал.

Все сели на свои места. Аджит выглядел бледным, Викрам снова стоял позади него, сжав зубы. В комнате была ещё и женщина. Она прикрыла лицо, но Викрам представил её как свою мать, которую звали Чандра.

— Хорошо, господин Махаджан, — Аджит говорил тихо, с трудом выдавливая из себя слова. — Мы принимаем ваши условия. Прия станет вашей женой. Всё должно быть сделано по правилам. Мы пригласим нашего семейного пандита, он изучит гороскопы, мы назначим благоприятный день, если ваши гороскопы совпадут. Поймите, мы с вами не можем идти против нашей веры.

Как и следовало ожидать, Аджит попытался давить и приплёл сюда веру. Шанкар ходил в храм и молился, но всё же в каких-то вещах он был человеком современным.

— Никаких гороскопов и благоприятных дней, я не верю в эту чушь, — отрезал Шанкар. — Ваша дочь подпишет документы и выйдет за меня сегодня. Вечером у меня забронированы билеты на самолёт до Мумбаи, один на Прию.

— Это невозможно! Есть же вековые семейные традиции, предписания шастр, в конце концов! — крикнул Викрам, опережая отца.

Было видно, в какой тупик он поставил Шехавата и его наследника. От этого на душе разливалось тепло. Месть была сладкой, но он не подал вида, как ему сейчас весело.

— Мои люди уже везут сюда пандита Гопала Тивари из храма в двадцати километрах отсюда. Он проведёт свадебный обряд у огня прямо здесь, при свидетелях. На этом всё.

Внезапно послышался полный отчаяния голос Чандры, которая так и не открыла лица.

— Без сверки судеб? Свадьба за один час, как у бродяг? Это же вечный позор на всю округу. Как же сангит и прочие положенные ритуалы?

— Позор оказаться в тюрьме почему-то не волновал вашего мужа двадцать два года назад в Мумбаи, когда он хладнокровно убивал моих родителей, — громко произнёс Шанкар, глядя прямо в упор на Аджита.

Глава клана медленно поднял голову. В его глазах, наконец, промелькнуло узнавание.

— Так вы... — голос старика опустился до едва различимого шёпота. — Кто вы такой на самом деле, Махаджан?

Шанкар поднялся, опёрся ладонями о стол и навис над испуганным стариком:

— Вы помните Дивью Бхати? Мою мать? Она уехала из этих мест, чтобы никогда больше не видеть вас. Вы случайно нашли её, когда прилетели по делам в Мумбаи. Вы ворвались в наш дом, убили её мужа, а затем застрелили её саму. Маленького восьмилетнего мальчика, вы назвали крысёнышем, перед тем как направить на него пистолет.

Викрам побледнел и непроизвольно отступил на шаг, упёршись спиной в каменную стену.

— Это неправда... Всё было не так... — забормотал Аджит, пытаясь отвести взгляд.

Шанкар спокойно достал из кармана смартфон, разблокировал экран и повернул его к Аджиту. На видеозаписи в тесной тюремной камере сидел пожилой человек с измождённым лицом. Его хриплый голос из динамика звучал отчётливо: «Я, Джагдиш Сингх, подтверждаю под присягой: тридцать два года назад Аджит Шехават лично застрелил Дивью и её супруга Аруна Махаджана в Мумбаи. Он заставил меня взять вину на себя, обещав оплатить лечение

моей больной жены. Он обманул меня, жена умерла без лечения. Я хотел всё рассказать раньше, но Аджит заверил, что взял моих детей на воспитание и я должен молчать. Недавно я узнал от дальней родни, что дети у них и они бедствуют. Я умираю и больше не буду молчать».

Шанкар выключил экран и убрал телефон в карман курты. Это было гениально, найти детей Джагиша, и устроить их в престижные вузы, чтобы он заговорил. Весть о том, что Аджит его дети жили впроголодь, а Шехават царствовал, подкосила мужчину, но он умер, зная, что его дети получают хорошую профессию, даже дочь.

— Если через час документы о браке не будут подписаны пандитом, видео уйдёт в Генеральную прокуратуру штата. Старое дело поднимут в ту же секунду. Джагиша реабилитируют посмертно, а вы, господин Шехават, остаток своих дней проведёте в центральной тюрьме Джодхпура. Ваши сыновья пойдут по миру, а вы ничем не сможете им помочь. Жаль, что полиция тогда не поверила восьмилетнему мальчишке, что стреляли именно вы.

Аджит сидел, опустив плечи, выглядел сломленным. Он посмотрел на Шанкара затравленным взглядом, потом перевёл его на адвоката. Викрам стоял с выпученными от шока глазами. Чандра что-то шептала, то ли молилась, то ли проклинала кого-то, Махаджан не стал вслушиваться в её слова.

— Это правда? Дело возобновят? — спросил Аджит взволнованно, всё ещё глядя на адвоката.

— Да, но у вас будет несколько статей, убийство и подлог. Вы заставили сидеть вместо себя невиновного человека. Пусть он и был рядом с вами, но не стрелял, — с достоинством ответил Мехта.

— Иди, Чандра, — тихо сказал Аджит, кивнув в сторону приоткрытой двери. — Принеси своё свадебное сари с золотым шитьём. Отдай его дочери.

Чандра ушла, старик снова посмотрел на Шанкара:

— Ты победил. Забирай её. Но помни: в её жилах течёт кровь раджпутов. Ты никогда не сможешь её сломать.

— Я не собираюсь её ломать. Я собираюсь сделать её своей женой. Это гораздо большее. Теперь ваша драгоценная дочурка, будет рожать мне детей. Я больше мстить не буду, как и договаривались, прощу долг, — Шанкар захохотал.

Он позволил дать волю чувствам. Знал, что это означает для гордого раджпуты. Если враг отказался мстить, значит, он, Аджит, недостоин даже этого. Такое заявление словно плевок в лицо.

— И ещё, подпишете бумаги, что ни вы, ни ваша родня и потомки, не будете мстить моей семье. Мы с вами теперь родня всё же, папа, — добавил Шанкар, произнеся последнее слово с безразличием.

Прия сидела на невысоком деревянном стуле у окна, задумчиво разглядывая ухоженные кусты жасмина во внутреннем дворе. Белые бутоны готовы были распуститься со дня на день, и тогда всё наполнится сладким ароматом. Девушка любила это время года — оно всегда ассоциировалось у неё со спокойствием.

Сегодня с самого утра в доме ощущалось напряжение: отец заперся в кабинете, Викрам ходил мрачнее тучи, а прислуга шушукалась по углам, замолкая всякий раз, когда она проходила мимо. Задавать вопросы мужчинам в её семье не принято, поэтому Прия просто ждала, хотя тревога на душе нарастала.

Дверь в её комнату резко распахнулась, мать зашла без стука, она была бледная и заплаканная. Прия поняла, что случилось что-то непоправимое. Взгляд упал на тяжёлое парчовое сари ярко-красного цвета с богатой золотой вышивкой. Прия знала, что это свадебный наряд матери.

— Мама? Что случилось? — Прия поднялась со стула.

Чандра положила сари на кровать, потом подошла и крепко сжала плечи дочери:

— Послушай меня внимательно, Прия. Ты должна немедленно переодеться, в это сари. Уже едет пандит, ты выходишь замуж.

— Что?! — Прия не могла поверить в услышанное и отшатнулась от матери. — Мама, о чём ты говоришь? Какая свадьба? За кого я выхожу замуж?

— Не задавай лишних вопросов, Прия! Просто делай, что я велю! — мать едва сдерживала рыдания, её голос срывался на шёпот. — Надевай сари, приводи себя в порядок. Твой жених уже в доме, пандит с минуты на минуту приедет. Вы сделаете положенные круги вокруг священного огня, подпишете бумаги, и ты уедешь с ним. Так надо.

— Мама, подожди, я не могу так. Ни одного положенного обряда не будет? Мы с женихом даже не виделись ни разу.

— Иди и скажи это в лицо своему отцу, который подвёл всю нашу семью, а теперь отдаёт тебя за долги. Иди, поспорь с ним, а я на тебя посмотрю, — шикнула мать и бросилась к выходу. — Я вернусь через пару минут, забыла шкатулку с положенными украшениями.

Мать выбежала, оставив дверь приоткрытой. Прия осталась стоять посреди комнаты, глядя на роскошное сари, вышивка которого ярко поблёскивала в лучах полуденного солнца. Со двора доносились резкие мужские голоса на чужом диалекте.

Прия осторожно подошла к открытому окну и выглянула наружу. Возле веранды, у входа в мужскую часть дома стоял красивый мужчина, с гладковыбритым лицом. У них считалась позором не носить хотя бы усов. Рядом с незнакомцем был пожилой человек в светском костюме. Они о чём-то переговаривались.

Внезапно молодой поднял голову, будто почувствовал, что за ним наблюдают, Прия отпрянула от окна, хватая телефон с подоконника.

Её выдавали замуж за абсолютно чужого человека как вещь, чтобы решить мужские проблемы, о которых ей даже не посчитали нужным рассказать.

Руки дрожали так сильно, что она едва сумела набрать в поисковике браузера организацию по защите прав женщин. Год назад была телепередача о них. Сейчас в голове мелькнуло название.

В динамике раздалась долгая, мучительная гудка. Наконец, ответил женский голос:

— Здравствуйте. Центр помощи «Шанти», слушаю вас.

Прия прижала трубку к уху, стараясь говорить как можно тише, но её голос дрожал от ужаса:

— Пожалуйста, помогите мне. Меня насильно выдают замуж. Я не знаю этого человека, я боюсь. Меня отдают за долги, как скотину на бойню.

— Девушка, успокойтесь. Где вы находитесь? Назовите точный адрес. Есть ли рядом кто-то, кто может вам помочь?

— Свадьба сегодня, мне только что сказали. Вы успеете приехать и забрать меня?

От волнения девушка не заметила, как в комнату вошла мать.

— Мы и так в грязи, ещё и ты нас опозорить решила?! — Мать схватила за верх сари и начала трясти.

Телефон выскользнул из пальцев Прии и упал на каменные плиты пола. Корпус треснул, экран разбился.

— Девушка? Ответьте, девушка? — донеслось тихое из динамика, и связь прервалась.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.